

ЛУЧШИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ЛУЧШИХ АВТОРОВ

**РОБЕРТ
ХАЙНЛАЙН**
Звездный десант

АЗБУКА · ФАНТАСТИКА

Азбука-фантастика

Роберт Хайнлайн
Звездный десант

«Азбука-Аттикус»

1959

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

Хайнлайн Р. Э.

Звездный десант / Р. Э. Хайнлайн — «Азбука-Аттикус»,
1959 — (Азбука-фантастика)

ISBN 978-5-389-23621-9

Землю атакует страшный враг – цивилизация разумных насекомых. Понять их, договориться с ними невозможно – остается только уничтожать, пока не уничтожили тебя. И только если ты перенес эту боль, эти лишения – ты получаешь право решать за других. «Я пытался выявить... некую фундаментальную основу поведения человека, и я пришел к выводу, что единственная основа, которая не требует бездоказательных предположений, – это вопрос выживания» – так обозначил Хайнлайн главную тему «Звездного десанта» в письме другому классическому автору, Теодору Старджону. Ну а Пол Верховен в своей нашумевшей экранизации классического романа сатирически заострил хайнлайновскую «милитаристскую утопию», которая, если приглядеться, не слишком отличима от антиутопии. Роман заслуженно получил самую престижную из «фантастических» премий – «Хьюго».

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

ISBN 978-5-389-23621-9

© Хайнлайн Р. Э., 1959
© Азбука-Аттикус, 1959

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	43
-----------------------------------	----

Роберт Хайнлайн

Звездный десант

Robert A. Heinlein
STARSHIP TROOPERS

Copyright © 1959 by Robert A. Heinlein, copyright renewed 1987 by Virginia Heinlein,
copyright assigned 2003 to the Robert A. and Virginia Heinlein

Prize Trust

All rights reserved

© Г. Л. Корчагин, перевод, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство Азбука®

* * *

Роберт Энсон Хайнлайн (1907–1988) наряду с Айзеком Азимовым и Артуром Кларком входит в Большую тройку писателей-фантастов и носит титул грандмастера. Автор знаменитых романов «Двойная звезда», «Звездный десант», «Кукловоды», «Чужак в стране чужой» и многих других, писатель – рекордсмен по числу литературных наград, включая такие престижные, как премия «Хьюго», «Небьюла» и т. д. По опросам, проводимым журналом «Локус» среди читателей, Роберт Хайнлайн признан лучшим писателем-фантастом всех времен и народов.

* * *

Уже после первого опубликованного рассказа Хайнлайна признали лучшим среди писателей-фантастов, и он сохранил этот титул до конца жизни.
Айзек Азимов

Что бы ни говорили плохого об идеологии этого автора, его нельзя обвинить в фарисействе, разве только в простодушной наивности.
Станислав Лем

Хайнлайн верил, что фантастический рассказ имеет смысл только в том случае, если его корни уходят в самую настоящую действительность, в то же время проникая в мир воображения. Он был убежден, что выдуманная действительность не может быть опрокинута на читателя в первых же абзацах произведения, а должна проявляться постепенно, прорастая сквозь реальность.
Роберт Сильверберг

Именно Хайнлайн научил меня оспаривать общепринятую версию чего бы то ни было.
Сэмюэл Дилэни

* * *

Посвящается «сарджу» Артуру Джорджу Смиту – солдату, гражданину, ученому – и сержантам всех времен, не жалевшим труда, чтобы воспитать из мальчиков мужчин

1

Вперед, обезьяны! Вы что, хотите жить вечно?
Неизвестный сержант, 1918

Перед десантированием я всегда трясусь от страха. Конечно, сначала меня подвергают медикаментозной и гипнотической обработке, и это подразумевает, что бояться я не способен в принципе. Пока я спал, бортовой психиатр изучал волны моего мозга и задавал дурацкие вопросы, а потом объяснил: это никакой не страх и вообще ничего серьезного, ретивая скаковая лошадь перед стартовыми воротами тоже дрожит от нетерпения.

Не знаю, что и сказать, – в шкуре скаковой лошади не побывал. Но факт остается фактом: каждый раз перед высадкой меня бьет проклятый мандраж.

За полчаса до начала высадки мы собрались в десантном трюме «Роджера Янга»¹, и командир взвода устроил нам проверку. На самом деле он временно исполнял обязанности взводного, поскольку лейтенанта Расчека мы потеряли в последнем бою. Штатная же должность борт-сержанта сверхсрочной службы Джелала – заместитель командира взвода.

Джелли был финско-турецкого происхождения, родом с Искандера, который обращается вокруг Проксимы. Чернявый и низкорослый, он смахивал на клерка. Но однажды этот «клерк» у меня на глазах управился с двумя разбушевавшимися рядовыми, да какими здоровенными! Ему пришлось вскинуться на цыпочки, чтобы схватить их за грудки и стукнуть головами. Грохот был такой, будто кокосовые орехи со всей дури шарахнули друг о дружку, а затем сержант отошел, позволив буянам растянуться на палубе.

В личное время он был неплохим парнем для сержанта, даже позволял называть себя «Джелли» в лицо. Конечно, не новичкам позволял, а только тем, у кого на счету минимум одна боевая высадка. Но сейчас он находился при исполнении.

Каждый из нас должным образом проверил свое оружие и экипировку – лучше тебя самого о твоей шкуре никто не позаботится. Потом временный взводный сержант прошелся вдоль строя² и тщательно всех осмотрел, а теперь этим занялся Джелли – лицо суровое, от глаз не укроется ничто. Он задержался возле стоящего передо мной солдата, нажал на его поясе кнопку биометрического датчика:

– Выйти из строя!

– Сардж³, ну пожалуйста! Это же просто насморк. Доктор сказал...

– «Сардж, ну пожалуйста!» – передразнил Джелли. – Доктор с нами не прыгает. И ты не прыгнешь, с температурой на полтора градуса выше нормы. Недосуг мне с тобой болтать перед высадкой. Выйти из строя!

Охваченный злостью и досадой, Дженкинс убрался из трюма. Я тоже огорчился, но не за него, а за себя. Гибель лейтенанта вызвала смещение по вертикали, я стал заместителем

¹ Роджер Уилтон Янг (1918–1943) – американский солдат-пехотинец. во время Второй мировой войны, вопреки полученному приказу отступать, он, раненный, пополз к японскому доту, стреляя и кидая гранаты. Янг погиб, но благодаря его подвигу товарищи Роджера смогли отступить без потерь. – *Здесь и далее примеч. Е. Доброхотовой-Майковой.*

² В армии США должность заместителя командира взвода – сержантская. Большинство воинских званий и должностей взяты автором из структуры воинских формирований США.

³ Сардж – сержант на американском военном сленге.

командира второй секции⁴, а теперь в ней образовалась дырка, и нечем ее заткнуть. Вопрос: если в бою кому-то из нас придется туго, кто явится на выручку?

Джелли больше никого не отстранил. Он вышел на середину строя, обвел нас взглядом и грустно покачал головой:

– Обезьянья стая, да и только. Если внизу вы все «купите ферму»⁵, может быть, командование начнет с чистого листа и соберет роту, о которой мечтал лейтенант. Хотя вряд ли – не тот нынче солдат пошел.

Джелли вытянулся в струнку и прорычал:

– Обезьяны! Мой долг – напомнить, сколько стоит государству мобильный пехотинец. Скафандр, оружие, боеприпасы, приборы, обучение и все прочее, в том числе жратва от пуза, – это полмиллиона с гаком. Добавляем тридцать центов – реальную стоимость любого из вас – и получаем умопомрачительную сумму. – Он грозно выпучился на шеренги и потребовал: – Так что соизвольте доставить ее назад! Мы можем легко найти замену вам, но не вашим модным костюмчикам. В моем взводе герои без надобности. Лейтенант тоже не ценил подвигов. Вам поручена работа, вы спуститесь на грунт и сделаете все как положено. А сыграют отбой – ушами не хлопать! По порядку номеров – галопом к точке эвакуации. Что неясно? – Он опять соорудил свирепую мину. – Считается, что план боя вы знаете. Но тут не у всех имеются мозги, которые можно обучать под гипнозом, поэтому повторю вкратце. Высадка в две волны, расчетная дистанция между ними – две тысячи ярдов. Сразу по приземлении взять пленка на меня, определить дистанцию до обоих соседей, одновременно найти укрытие. Вы уже потеряли десять секунд, и теперь ваша задача – громить все доступные цели, пока не приземлятся фланговые.

Он говорил, в частности, обо мне. Заместитель командира секции должен находиться на левом фланге, без локтевого соприкосновения с одного боку. Меня затрясло.

– Как только они доберутся до грунта, вы все бросаете и выпрямляете цепи, равняете интервалы. Двенадцать секунд. Теперь в атаку – прыжками, чет и нечет. Замы командиров секций управляют охватом. – Он посмотрел на меня. – Если все сделаете как надо, в чем я сомневаюсь, фланги сомкнутся в тот момент, когда придет сигнал к отходу... И тогда – домой. Вопросы?

Вопросов не последовало – впрочем, как всегда.

– И последнее, – добавил Джелли. – Это всего лишь налет, а не полноценный бой. Демонстрация огневой мощи и запугивание. Наша задача – внушить противнику, что мы способны уничтожить его города. Хотя мы и воздерживаемся от ковровых бомбежек, он не должен заблуждаться насчет своей безопасности. Пленных не брать, убивать только в крайнем случае. Но в зоне нашей операции должна остаться выжженная земля. Чтобы ни один раздолбай не вздумал вернуться с неистраченным боекомплектком. Что неясно?

Он взглянул на хронометр.

– У «хулиганов Расчека» серьезная репутация, ее необходимо беречь. Покупая ферму, лейтенант приказал передать, что всегда будет приглядывать за вами, ни на минуту из виду не упустит... И он ждет, что вы покроете славой свои имена! – Джелли оглянулся на сержанта Миляччо, командира первой секции. – Пять минут для Падре.

Некоторые парни вышли из строя и опустились на колени перед Миляччо. Причем не только его единоверцы. Мусульмане, христиане, гностики, иудеи – все, кто хотел получить от него напутствие перед высадкой.

⁴ Наименьшее тактическое подразделение Корпуса мобильной пехоты Вооруженных сил Земной Федерации – взвод. Он состоит из двух секций по три отделения.

⁵ «*Купить ферму*» на американском военном жаргоне означает «погибнуть». Выражение появилось в ходе Второй мировой войны, когда частая гибель летчиков в тренировочных полетах сопровождалась разрушением сельскохозяйственных построек, пожарами на полях и т. п. Наносимый фермерам ущерб компенсировало правительство.

Я слышал, что раньше в некоторых подразделениях капелланы не воевали наравне с остальными солдатами, и это просто не укладывалось у меня в голове. Нет, правда, разве может священник благословить человека на дело, которым сам заниматься не хочет? Не важно, как с этим обстояло у других, а в мобильной пехоте десантируются и сражаются все: и капеллан, и повар, и даже писарь Старика. Когда мы умчимся по трубам, на борту не останется ни одного «хулигана», кроме Дженкинса, конечно, но это не по его вине.

Я не пошел к капеллану. Да и раньше не подходил перед высадкой, боялся, что будет замечена моя дрожь. Ничто не мешает Падре благословить меня дистанционно, со своего места.

Но он, отпустив последнего из паствы, подошел ко мне и прижал свой шлем к моему, чтобы не слышали посторонние.

– Джонни, – тихо обратился он, – сегодня ты идешь в бой унтер-офицером.

– Ага. – Вообще-то, я такой же унтер, как Джелли – офицер.

– Вот что я тебе скажу, Джонни: не спеши покупать ферму. Свою задачу ты знаешь, просто выполни ее. Сделай, что должен, и только. Не пытайся заслужить орден.

– Хорошо, не буду. Спасибо, Падре.

Миляччо что-то тихо добавил на незнакомом мне языке, похлопал по плечу и отошел к своей секции.

– Отставить разговоры! – рявкнул Джелли, и мы все замерли. – Внимание, взвод!

– Секция! – эхом вторили Миляччо и Джонсон.

– Посекционно! К правому и левому борту! Приготовиться к десантированию!

– Секция! Занять капсулы! Пошли!

– Отделение! – Мне пришлось дожидаться, когда четвертое и пятое отделения займут свои капсулы и уедут по пусковой шахте.

Наконец у правого борта показалась моя капсула. Интересно, древние вояки тоже тряслись, когда забирались в троянского коня? Или только у меня такая дурная привычка?

Джелли проверил крепления у каждого бойца, а мои застегнул собственноручно. При этом наклонился ко мне и сказал:

– Соберись, Джонни. Всё как на учениях.

Он опустил крышку, и я остался один.

Всё как на учениях? Ну да, как же. Я перестал бороться с дрожью.

В шлемофонах зазвучал доклад Джелли из осевой шахты:

– Рубка! «Хулиганы Расчека» к десантированию готовы.

– Семнадцать секунд, лейтенант, – услышал я жизнерадостное контральто шкипера и отметил, что Джелли назвали лейтенантом.

Что ж, наш командир мертв, и Джелли может унаследовать его звание и должность, но мы-то по-прежнему «хулиганы Расчека».

– Удачи, мальчики.

– Спасибо, капитан.

– Держитесь! Пять секунд.

Я был весь перетянут ремнями: крепления на животе, на лбу, на лодыжках. Но трясся сильнее, чем раньше.

Когда меня сбросят, станет полегче. До тех пор буду лежать в крошечной мгле, спеленутый, точно мумия, для защиты от перегрузок, едва способный дышать. Если снять шлем, что в принципе невозможно, задохнешься мигом – капсула заполнена азотом. Вдобавок она уже несется в пусковой шахте, и если корабль погибнет до того, как ты вылетишь наружу, – не успеешь даже помолиться, сразу умрешь, совершенно беспомощный, не способный даже шевельнуться. Вот это бесконечное ожидание во мраке и вызывает мандраж. В голову лезут мысли о том, что о тебе забыли, что корабль продырявлен, что он, мертвый, обречен вечно

кружиться на орбите, а ты пока жив только потому, что в баллонах скафандра есть воздух. Если же ты на спиральной орбите, у тебя только два варианта: сгореть по пути к планете или разбиться об нее всмятку.

Но вот заработала программа торможения корабля, и мне стало не до страхов. Шутка ли, восемь *g*, а то и десять! Когда пилот – женщина, о комфорте не стоит мечтать. Обязательно останутся синяки на коже в местах ее соприкосновения с креплениями. Да-да, я в курсе, что женщины пилотируют лучше, чем мужчины. Они шустрее реагируют, не так чувствительны к перегрузкам. Женщина быстрее доставит тебя на позицию, быстрее эвакуирует, тем самым повысив твои шансы, а заодно и свои. Но все же мало приятного, когда на позвоночник наваливается вес, десятикратно превосходящий твой собственный.

Тем не менее я должен признать, что капитан Деладре свое дело знала туго. После того как «Роджер Янг» прекратил торможение, она не потеряла ни секунды. Я тотчас услышал ее отрывистую команду:

– Осевая шахта – выброс!

И ощутил два толчка отдачи, означающие, что сброшены Джелли и его временный взводный сержант.

И тотчас:

– Левая, правая шахты – выброс!

Это уже пошли на высадку мы, остальные.

Бум! – и капсула рывком продвигается вперед. *Бум!* – и она опять смещается, точно патрон в трубчатом магазине старинного ружья. Да, наши капсулы – те же самые патроны... Только у ружья три ствола – одинаковые пусковые шахты в брюхе десантного космолета. В каждой капсуле хватает места – я бы сказал, едва хватает – для пехотинца в полной боевой экипировке.

Бум!

Прежде я всегда шел третьим номером, теперь я «хвостовой Чарли»⁶, десантируюсь замыкающим. На этом этапе у меня очень скучная роль, даром что капсулы отстреливаются ежесекундно. Пытаюсь считать: *бум!* – двенадцать, *бум!* – тринадцать, *бум!* – четырнадцать (звук немного другой: капсула, в которой должен был лежать Дженкинс, пуста).

И наконец – дзинь! – настал черед моему «патрону» зайти в «патронник».

УАМ-БУ-У-У! – свирепый толчок; по сравнению с ним тормозной маневр нашего капитана – просто любовная ласка.

И вдруг – ничего!

Совсем ничего. Ни звуков, ни давления, ни веса. Парю в темноте и невесомости... свободное падение на планету, которую доселе в глаза не видал. До эффективной атмосферы миль тридцать. Зато меня больше не трясет. Самое мерзкое – ожидание на борту корабля, а сна-ружи совсем не страшно. Если что-то не заладится, ты даже не успеешь это осознать. Выяснять будешь уже на том свете.

Капсула закачалась и завихляла, потом выровнялась. Вернулся вес... он быстро рос, пока не стал моим полным весом для этой планеты (здесь 0,87 *g*, сказали нам на инструктаже), когда капсула достигла равновесной скорости⁷ для верхних разреженных слоев атмосферы. Если пилот – подлинный художник своего дела, а капитан принадлежала именно к такой породе, он введет корабль в стратосферу и затормозит с тем расчетом, чтобы твоя скорость при выбросе точно соответствовала скорости вращения планеты на этой географической широте. Капсула с десантником внутри тяжела и через высотные струйные течения проходит без значитель-

⁶ «Хвостовой Чарли» – во время Второй мировой войны так называли последний самолет в строю английских бомбардировщиков.

⁷ Равновесная скорость – скорость падения, когда сила сопротивления воздуха равна силе гравитации.

ного смещения курса. И все равно четкий строй взвода ломается сразу после выброса, сквозь атмосферу капсулы летят аморфным роем. Слабый пилот еще больше усугубит проблему, так широко разбросав штурмовую группу, что она не сможет собраться для эвакуации, и уж какое тут выполнение боевой задачи. Чтобы пехотинец сражался, кто-то должен доставить его на поле боя. Наверное, хорошие пилоты на войне не менее важны, чем наш брат стрелок.

Судя по тому, как мягко моя капсула вошла в атмосферу, капитан обеспечила ей практически нулевой горизонтальный вектор. Я мог только порадоваться – и за мой взвод, который приземлится плотной группой, не потеряв зря ни минуты, и за пилота, который, несомненно, будет так же сообразителен и аккуратен на финальном этапе операции.

Наружная оболочка прогорела и отвалилась – не вся, судя по тому, что меня кувыркнуло. Но вот слетел оставшийся кусок, и я выровнялся. Заработали турбулентные тормозные устройства второго слоя, и началась болтанка, которая усилилась по мере того, как они прогорали один за другим и вторая оболочка отваливалась кусками.

Если что и дает каппеху надежду дотянуть до пенсии, так это наши маленькие технические хитрости. В частности, распад оболочек капсулы – он не только замедляет падение десантника, но и густо наполняет мусором небо над зоной высадки. Каждая боевая единица создает для чужого радара десятки ложных целей, и попробуй выявить среди них человека, или бомбу, или еще какой «подарок». В такой ситуации баллистическому компьютеру проще сгореть от умственного перенапряжения, что он и делает.

Для пущей потехи корабль выпускает очередь яиц-болванок сразу после выброса настоящих капсул, и эти болванки падают быстрее, чем мы, ведь им не нужно ронять «шелуху». Они умеют вихлять при помощи маневровых дюз, действовать как радиолокационный маяк-ответчик, взрываться, пробивая дыру в обороне, и другими способами усугублять растерянность встречающей делегации.

Между тем корабль настроен на радиомаяк твоего командира взвода и, не обращая внимания на им же созданные радарные помехи, рассчитывает место твоего приземления – на будущее.

Сгорела вторая оболочка, а третья автоматически выпустила первый ленточный парашют. Продержался он недолго, но на это и был расчет; один мощный рывок на несколько *g*, и парашют отправился своей дорогой, а я – своей. Второй продержался чуть дольше, а третий – уже приличное время. Внутри капсулы стало жарковато – до грунта уже недалеко.

Оторвался третий парашют, развалилась третья оболочка, и я остался в пластмассовом яйце, по-прежнему пристегнутый крепко-накрепко. Пора определиться с выбором места и способа посадки. Крепления не позволяли полноценно работать руками, но я мог шевелить пальцами, вот и включил большим высотомер, а он вывел цифры на тактический дисплей, расположенный в шлеме напротив моего лба.

Одна целая и восемь десятых мили. Пожалуй, дистанция слишком мала, чтобы чувствовать себя уютно, особенно в отсутствии компании. Лечу уже с постоянной скоростью, больше нет смысла сидеть в яйце, а оболочка, судя по ее температуре, автоматически откроется еще не скоро. Значит, надо от нее избавиться. Что я и сделал, перекинув другим большим пальцем другой тумблер.

Сначала отстрелились все пристяжные ремни, а со вторым хлопком пластмассовая оболочка разлетелась на восемь кусков. И вот я свободен, сижу в воздухе – и наконец вижу, что происходит вокруг! А главное, обломки скорлупы металлизированы. Покрытия нет лишь у маленького фрагмента, через который измерялась высота, а все остальные отражают луч радара совсем как боевой скафандр. Любой оператор локатора, не важно, живой он или кибернетический, намучается, отсортировывая меня от ближайшего мусора, не говоря уже о тысячах других обломков, рассеянных на несколько кубических миль вокруг.

В ходе подготовки мобильному пехотинцу дают посмотреть – и своими глазами, и посредством радара, – как хаотично выглядит картина высадки для противника. Делается это специально, чтобы ты не чувствовал себя в небе голым и беззащитным, точно новорожденный младенец. Не то, чего доброго, с перепугу слишком рано раскроешь парашют и превратишься в сидячую утку. (А что, утка умеет сидеть? И если да, зачем ей это?) Или вообще его не раскроешь и сломаешь ноги, а то и хребет с черепом заодно.

Я потянулся, прогнал судорогу из мышц, повертел головой. Затем сложился пополам и резко выпрямился, ныряя ласточкой, – надо было хорошенько рассмотреть, что творится внизу. На этой стороне планеты – ночь, как и предусмотрено планом, но инфракрасные очки позволяют отлично видеть местность – конечно, если к ним приноровиться. Почти непосредственно подо мной река, пересекающая город наискось, ярко сияет – вода теплее суши. Мне все равно, на каком берегу приземляться, лишь бы в самую реку не угодить, а то потеряю время.

Я заметил вспышку справа, почти на моей высоте. Похоже, какой-то недружелюбный туземец спалил кусок сброшенной мною капсулы. Я тотчас же выпустил парашют, надеясь соскочить с экрана радара, который следит за приближающимися целями. Сгруппировавшись, я выдержал рывок, а еще секунд через двадцать отстрелил парашют – не хотелось выделяться среди мусора, падающего с другой скоростью.

Трюк сработал, судя по тому, что меня не сожгли.

На высоте порядка шестисот футов я выпустил следующий парашют... и очень скоро обнаружил, что меня сносит на реку. Предстояло пролететь в ста футах над приземистым зданием – наверное, складским. Я рискнул сбросить парашют и довольно жестко, но вполне благополучно приземлился на плоскую крышу. Спасибо прикрепленным к скафандру реактивным двигателям вертикального взлета и посадки. Я сразу же поискал маяк сержанта Джелала. И узнал, что нахожусь не на той стороне реки. Круг компаса в моем шлеме показывал звездочку Джелли далеко на юге – я чересчур сместился к северу.

Определив местонахождение ближайшего комода (он тоже отклонился от расчетной точки, причем на добрую милю) и подбежав к тому краю крыши, что был обращен к реке, я позвал:

– Туз! Давай в цепь!

И бросил за спину гранату, уже летя через реку.

Ответ был ожидаемым. Именно Туз должен был занять мой нынешний пост, да только он не захотел оставить свое отделение. Но и получать от меня приказы он не желал.

Склад взлетел на воздух, взрывная волна догнала меня над рекой – напрасно я надеялся укрыться от нее за домами над другим берегом. Она сбила с толку мои гиростабилизаторы, и я едва не закувыркался вниз. Надо было дать гранате пятнадцатисекундную задержку... А разве я этого не сделал? Тут я сообразил, что позволил себе войти в раж, чего категорически нельзя допускать на грунте. «Всё как на учениях», – напутствовал Джелли, и он был совершенно прав. Не спеши и продумывай каждое действие, полсекунды – невелика потеря.

Завершив прыжок, я проверил местонахождение Туза и снова приказал ему выровнять линию. Он не ответил, но линию выравнивать начал, и я решил не устраивать скандал в эфире. Туз уже взялся за дело, и это главное, а хамство можно и потерпеть. До конца операции.

Вот вернемся на корабль, и, если Джелли оставит меня в должности заместителя командира секции, мы с Тузом найдем тихое местечко и выясним, кто из нас главный. Он – капрал и контрактник, а я срочник и всего лишь ланс на капральской должности, но сейчас он у меня под началом, а в бою неподчинение недопустимо. Систематическое – уж точно.

Но мне недосуг было об этом рассуждать. Летя через реку, я заметил аппетитную цель – большую группу зданий на склоне холма. Похоже, они общественного назначения – может, храмы, а может, дворцовый комплекс. Надо с ними разобраться, не дожидаясь, когда их обнаружат другие.

Они стояли в нескольких милях от выделенной нам для зачистки зоны, но тактика «ударил-убежал», как правило, вынуждает штурмовую группу до половины боекомплекта расходовать на обработку прилегающих территорий. Делается это по разным причинам, например, чтобы дезориентировать противника. Когда твое местонахождение он знает лишь приблизительно, а ты не стоишь на месте и работаешь споро, больше шансов выполнить боевую задачу. К тому же враг всегда имеет огромное численное превосходство. А значит, твои лучшие союзники – скорость и внезапность.

Реактивный гранатомет я зарядил, когда второй раз приказывал Тузу подтянуться. В разгар спора наши голоса перекрыла команда Джелли по общей связи:

– Взвод! Прыжками!

– Вперед! – подхватил командир моей секции, сержант Джонсон. – Прыжками! Нечетные, пошли!

Секунд на двадцать я остался не у дел. Чтобы не простаивать, запрыгнул на ближайшее здание, кинул гранатомет к плечу и нажал на первую гашетку, чтобы граната навелась на цель. Прикосновением ко второму спуску благословил ее в дорогу и соскочил обратно на землю.

– Вторая секция, четные номера! – Я произвел в уме обратный отсчет и скомандовал: – Пошли!

И сам устремился вперед. Надо было перепрыгнуть через следующую шеренгу зданий, и уже в полете я окатил первую, прибрежную, из ручного огнемета.

На вид постройки деревянные, явно успевшие созреть для хорошего пожара. Не исключено, что на этих складах хранятся нефтепродукты, а то и взрывчатка.

Едва я приземлился, мой наплечный спаренный ракетомет на Y-образной станине выбросил два миниатюрных, но начиненных сверхмощной взрывчаткой снаряда вправо и влево, на пару сотен ярдов. Но я не увидел разрушений, произведенных ракетами на флангах, поскольку чуть раньше рванула моя реактивная граната, – кто хоть раз в жизни видел ядерную вспышку, тот ее ни с чем не спутает. Конечно, это был совсем крошечный боеприпас, всего-навсего две килотонны номинальной мощности, с отражателем нейтронов и импловивной схемой детонации, необходимыми для взрыва массы меньше критической, – ведь кому охота поближе познакомиться с атомной катастрофой? Холм очищен, горожане вынуждены прятаться от радиоактивных осадков, и этого вполне достаточно. Ну а если кто из туземцев в момент взрыва торчал на улице и таранился в ту сторону, то он ослеп на пару часов, и мне это только на руку.

На меня и моих товарищей вспышка никак не подействовала. У нас на головах шлемы с щедро освинцованными лицевыми щитками, а на глазах – инфравизоры. Вдобавок мы приучены наклоняться и подставлять вспышке броню.

Так что я только зажмурился, но потом открыл глаза и прямо перед собой увидел местного жителя, как раз вышедшего из дому. Он пялился на меня, я – на него, но вот чужак решил вскинуть свою ношу – надо полагать, оружие, – а Джелли скомандовал:

– Нечет! Пошли!

Тут уже не до церемоний, я отстаю на полтысячи ярдов. Моя левая рука все еще сжимала рукоять огнемета. Поджарив местного, я перепрыгнул через его жилище и начал отсчет. Основное предназначение ручного огнемета – сжигать строения, но в ближнем бою он вполне годится и для уничтожения живой силы противника. Удобно – можно стрелять, почти не целясь.

Боевой азарт вкупе со спешкой сказались на моем прыжке, он получился слишком высоким и длинным. Всегда хочется выжать максимум из двигателей, но нельзя поддаваться соблазну! Иначе повиснешь в воздухе, на несколько секунд превратившись в легкую мишень. В наступлении правильная тактика – подсакивать к зданию вплотную, перепрыгивать через него впритирку, опускаться за ним, используя его как прикрытие, и нигде не задерживаться больше чем на секунду, чтобы противник не успел взять тебя на мушку. Постоянно перемещайся – куда угодно, лишь бы не стоять на месте.

С этим прыжком я облажался – через промежуток между первым и вторым рядом перелетел, а до следующего недотянул. Ничего не оставалось, как опуститься на крышу. Причем не на удобную, где я мог бы задержаться на три секунды и выпустить атомную гранату, – нет, меня несло то ли на фабрику, то ли на химкомбинат, в настоящий лес труб, подпор и разнообразных железяк. Совершенно негде приземлиться! И что еще хуже, на крыше торчит полдюжины местных.

Туземцы – это гуманоидные существа ростом восемь-девять футов, по сравнению с нами очень худые, но с более высокой температурой тела. Одежды они не носят и ночью в ИК-диапазоне светятся, как неоновая вывеска. В светлое время, если смотреть невооруженным глазом, они вообще выглядят кошмарно. Но по мне, лучше воевать с ними, чем с арахнидами, – от жуков у меня мороз по коже.

Если эти ребята были здесь полминуты назад, их ослепила моя граната. Однако поручиться за это я не мог, как не мог и возиться с ними. Не та операция. Так что я прыгнул снова, не приземляясь, – врубил тягу в воздухе. А заодно швырнул горсть зажигательных микробомб с десятисекундной задержкой срабатывания – теперь тощим будет не до меня. Приземлился, опять прыгнул и позвал:

– Вторая секция! Четные!.. Пошли!

Я несся вперед, стремясь поскорее занять свое место в цепи, но не забывал при каждом прыжке искать что-нибудь стоящее выстрела. У меня оставались три атомные малютки, и я вовсе не желал вернуться хотя бы с одной. Но нам крепко втемяшили в голову, что деньги, потраченные на атомное оружие, не должны пропасть зря. И всего лишь второй раз мне дозволили иметь ядерные гранаты в боекомплекте.

Взлетев в очередной раз, я попытался найти водозаборную станцию. Удачным выстрелом в такую постройку можно сделать необитаемым весь город – население эвакуируется, и не придется никого убивать. Нас ведь для того и сбросили, чтобы мы доставили врагу как можно больше подобных неприятностей. Если верить карте, выученной под гипнозом, она стояла в трех милях выше по течению.

Но я ее не видел – наверное, прыгал слишком низко. Так захотелось увеличить высоту, но вспомнился совет Миляччо не гоняться за наградами, а строго следовать плану. Я переключил реактивный гранатомет на автоматическую стрельбу, чтобы при каждом моем прыжке выбрасывалась пара снарядов. Огнету тоже нашлась работа – поливать все, что попадает на пути. Осталось найти плотину или другой объект, не менее важный.

И правда, что-то показалось на ожидаемом расстоянии – достаточно большое для водозаборной станции. Я запрыгнул на самое высокое из ближайших зданий, нацелился и полетел. Уже взлетая, услышал возгласы Джелли:

– Джонни! Рыжий! Начинайте охват!

Я отрепетовал и отметил, как то же самое сделал Рыжий. Затем я включил маяк, чтобы Рыжий мог на меня навестись, определил направление и расстояние до его маяка и скомандовал:

– Вторая секция! Начинаем охват! Командирам отделений доложить!

Командиры четвертого и пятого отделений доложили, что приказ ясен.

– Принял-выполняю, – ответил Туз. – Мы уже начали, давай, ноги в руки – и за нами.

Судя по маяку Рыжего, правый фланг у меня почти по курсу, милях в пятнадцати. О черт! Туз прав: надо пошевеливаться, иначе не догоню. Ведь на мне пара центнеров боеприпасов и прочего добра, и нужно время, чтобы все это вывалить на головы туземцев. Мы приземлялись буквой «V», на острие которой находился сержант Джелли, а на концах «рукавов» – я и Рыжий. Теперь же надо перестроиться в кольцо, охватив точку эвакуации. Это означает, что нам с Рыжим придется контролировать больше местности, чем остальным, и при этом наносить противнику максимальный урон.

Зато больше не надо наступать прыжками. Я прекратил считать и сосредоточился на скорости. Здесь с каждой минутой все горячее, и даже быстрые перемещения могут не спасти. Мы имели огромное преимущество внезапности, никто из десанта не погиб при высадке (во всяком случае, я на это надеялся), и у нас была возможность громить противника без риска попасть по своим, в то время как туземцы неизбежно понесли бы потери от собственного огня, дай мы им шанс пострелять по нам. Я не знаток теории игр, но вряд ли нашелся бы компьютер, способный проанализировать наши действия и предсказать, где мы очутимся в следующий момент.

И тем не менее местная оборона теперь огрызалась – уж не знаю, хаотично или под чьим-то руководством. Парочка снарядов легла достаточно близко, и даже в скафандре меня трянуло так, что едва не раскрошились зубы, а еще по мне прошелся какой-то луч, отчего волосы встали дыбом, а нервы вспыхнули, как при защемлении, но, слава богу, через несколько секунд отпустило. Если бы за миг до попадания я не дал скафандру команду на прыжок, то вряд ли сумел бы выбраться.

Подобные случаи заставляют задуматься, что за нелегкая занесла тебя в армию. Но мне в тот момент было не до самокопания. Наугад перепрыгивая через дома, я дважды попадал в толпу врагов. И конечно же, спешил убраться, неистово поливая их огнем.

Безумная эта скачка позволила мне вдвое сократить отрыв от своих. Если бы не пришлось преодолевать четыре мили за рекордное время, я бы, конечно, доставил куда больше неприятностей тощим.

Два прыжка назад опустел мой спаренный ракетомет. Подвернулся безлюдный двор, и я воспользовался этим, чтобы зарядить оружие. Заодно навелся на Туза, – оказывается, я еще достаточно далеко от флангового отделения, и можно безбоязненно израсходовать две последние атомные ракеты.

Я запрыгнул на самое высокое из ближайших зданий. Уже достаточно рассвело, чтобы видеть без помощи инфравизора. Сдвинув его на лоб, я быстро осмотрел местность в тылу: на что бы потратить оставшийся боезапас? Любая цель годится, когда времени в обрез.

Что-то попало на глаза в направлении космопорта – может, контрольно-диспетчерский пункт, а может, корабль. Почти на той же линии и примерно вдвое ближе маячило огромное сооружение, но не было возможности идентифицировать его хотя бы приблизительно. Космопорт находился на предельной дистанции, но это меня не смутило. Сказав: «Не промахнись, детка», я отправил ракету в полет. Вторую выпустил вдогонку, по ближней цели, и прыгнул.

Едва я покинул свою позицию, в нее угодил снаряд. Уж не знаю, тощие ли это здраво рассудили, что здание – достойная цена за одного из нас (тут они были правы), или кто-то из моих приятелей баловался с огнем.

Как бы то ни было, у меня пропало желание летать, даже на бреющем, и я решил пройти сквозь следующую пару домов. Поэтому сразу по приземлении сдернул со спины тяжелый огнемет, вернул на глаза инфравизор и обработал стену передо мной тонкой, как лезвие ножа, струей максимальной мощности. Отвалился кусок кладки, я стремглав ринулся внутрь... и еще быстрее выскочил назад.

Даже не знаю, куда меня угораздило вломиться. То ли в церковь во время молитвы, то ли в ночлежку, а может, и в штаб гарнизона. Я лишь успел понять, что громадное помещение под завязку набито тощими. И знакомиться с этой оравой не было никакой охоты.

Вряд ли это церковь – кто-то выстрелил в меня, когда я уже отступал. Пуля, конечно, отскочила от скафандра, и я не пострадал, разве что пошатнулся да в ушах зазвенело. Но это напомнило мне об этикете: надо оставить сувенир на память о моем посещении. Я сорвал с пояса что под руку подвернулось и закинул в здание. Устройство пронзительно заверещало. В учебке нам внушили: лучше сразу предпринять что-нибудь не самое умное, чем придумать оптимальное решение спустя часы.

Чисто случайно я сработал как надо. То была особая граната, перед операцией выданная каждому из нас с наказом приберечь ее для ситуации, когда от нее будет толк. Визг летящей гранаты – не что иное, как обращение к тощим на их языке. А говорила она, в вольном переводе, вот что: «Я взрывное устройство с тридцатисекундной задержкой! Двадцать девять!.. Двадцать восемь!.. Двадцать семь!..» Обратный отсчет – это чтобы пощекотать противнику нервы.

Может, она и впрямь пощекотала. Во всяком случае, с моими нервами фокус удался. Гуманнее было бы меня пристрелить. Я не ждал, когда прозвучит «Один!..» Уже в прыжке подумал, хватит ли толпе дверей и окон, чтобы выплеснуться из здания.

На пике траектории запеленговал Рыжего, а приземлившись, нашел маяк Туза. Все еще отстаю, надо поторопиться.

Разрыв удалось преодолеть за три минуты. Теперь Рыжий был на левом фланге, в полумиле от меня. Он доложил об этом Джелли. Мы услышали расслабленный рык зауряд-лейтенанта Джелли, адресованный всему взводу:

– Кольцо замкнули, но буй еще не прибыл. Продвиньтесь немножко вперед, постреляйте. Но не зарывайтесь и не забываете про соседей – своим проблем не создавать. Мы хорошо поработали, давайте не испортим концовку. Взвод! Посекционно! Поверка!..

Насчет хорошей работы я был согласен с сержантом: почти весь город в огне. И хотя утро уже в разгаре, дым валит такой, что сомневаешься, стоило ли снимать инфравизор.

– Вторая секция, проверка! – Это Джонсон, командир моей секции.

Я подхватил:

– Четвертое, пятое и шестое отделения: проверка и доклад.

В этот раз наши скафандры были оснащены новыми устройствами защищенной связи, которые значительно упрощали работу. Джелли мог обратиться ко всем нам или к командирам секций, командир секции – ко всем своим подчиненным или к начальству. Взвод теперь управлялся вдвое быстрее, а это крайне важно, когда дорога каждая секунда.

Слушая переключку четвертого отделения, я успел оценить мой оставшийся боезапас и метнуть гранату в тощего, высунувшего башку из-за угла. Он убрался; я последовал его примеру. Сказал же командир: не зарываться.

В четвертом отделении возникла заминка – комод все выяснял, куда подевался Дженкинс, пока не вспомнил, что тот остался на корабле. Пятое отделение отвечало четко, будто костяшки счетов щелкали, и я воспрянул духом... но ненадолго. В отделении Туза не откликнулась костяшка номер четыре.

– Туз, где Диззи? – крикнул я.

– Отстань, – сказал он. – Шестой, как слышишь?

– Шестой, – откликнулся Смит.

– Седьмой!

– Шестое отделение – нет Флореса, – подвел итог Туз. – Комод идет искать.

– Одного нет, – доложил я Джонсону. – Флореса из шестого отделения.

– Отстал? Убит?

– Неизвестно. Комод и замкомсекции выдвигаются на поиски.

– Джонни, предоставь это Тузу.

Я притворился, будто не услышал. Джонсон доложил о моем решении Джелли, тот выругался.

Нет, это не охота за наградой. Разыскивать оставших – работа для замкомсекции. Он – замыкающий, подгоняла, расходный материал. У командиров отделений другие задачи. Взвод собрался в точке эвакуации, командир взвода жив, и замкомсекции уже не особо нужен.

Я и впрямь чувствовал себя в этот момент расходным материалом, причем почти израсходованным. Моих ушей достиг наисладчайший звук во вселенной: зов спущенного эвакуо-

шлюпкой бую. Это ракета-робот, она втыкается в землю и разливает окрест музыку, столь милую нашим сердцам. Эвакошлюпка автоматически наводится на него и садится через три минуты. Отъезжающим стоит поспешить к остановке: автобус ждать не будет и следующий не придет.

Но мы не можем улететь, бросив бойца, тем более если нет уверенности в его гибели. Ведь мы же «хулиганы Расчека»! Да и любое другое подразделение мобильной пехоты не оставляет своих в беде. Может, и не удастся забрать Флореса, но мы должны попытаться.

– Выше голову, парни! – услышал я голос Джелли. – Стянуться к точке эвакуации, занять круговую оборону. Галопом!

Ему вторил нежный голос бую:

– «...Но в пехоте, в сердце каждого солдата вечно жив, вечно славен Роджер Янг!»⁸

Спасительная точка тянула меня к себе как мощнейший магнит. Но я двинулся в противоположную сторону, ориентируясь на маяк Туза и расходуя последние гранаты, бомбы-зажигалки и прочий груз, который теперь сделался лишним.

– Туз! Видишь его маяк?

– Да. Возвращайся, шпендлик.

– А я уже тебя вижу, глазами. Где он?

– Прямо передо мной, в четверти мили. Не путайся под ногами! Это мой солдат...

Я не ответил, просто взял влево, чтобы пересечься с Тузом в том месте, где, по его словам, находился Диззи.

И увидел Флореса. Лежащего. А над ним стоял Туз, который успел спалить парочку тощих и еще нескольких обратить в бегство. Я опустился рядом.

– Надо вынуть его из скафандра, – прокричал я. – Шлюпка на подходе.

– Ему слишком крепко досталось.

Я осмотрел Диззи и убедился в правоте Туза: скафандр пробит, хлещет кровь. Тут и растеряться недолго. Чтобы вынести с поля боя раненого, надо его избавить от экипировки. Потом просто хватаешь в охапку и скачешь прочь. Человек без оружия и скафандра весит меньше, чем уже истраченный тобой боезапас.

– Что делать будем?

– Поташим, – мрачно ответил Туз. – Берись слева за пояс.

Он взялся справа, и мы взгромоздили Флореса на ноги.

– Захват! К прыжку! На счет три! Раз... два...

Мы прыгнули. Неуклюже и недалеко. В одиночку никто из нас не сумел бы оторвать Диззи от земли, очень уж тяжел бронескафандр. Но половинный вес нести кое-как можно.

Прыжок, прыжок, прыжок. Туз командовал; по приземлении мы утверждались на ногах и поухватистей брались за Флореса. У него, похоже, были испорчены гиростабилизаторы.

Замолк буй – значит, на него опустилась эвакошлюпка. Я видел, как она заходит на посадку... очень далеко от нас. Подал голос взводный сержант:

– К посадке, по номерам!

– Отставить! – вмешался Джелли. – Держать позиции!

Мы наконец выскочили на открытое место, и увидели стоящее на хвосте судно, и услышали предстартовый рев сирены. А взвод по-прежнему ждал в обороне, сидя на корточках вдоль кругового рубежа.

– По порядку номеров – на посадку! – Это уже Джелли скомандовал.

А мы все еще вдалеке! Вот уже бойцы первого отделения устремились к судну, и сразу сузилось оборонительное кольцо.

⁸ Строки из «Баллады о Роджере Янге» (см. примеч. на с. 7), написанной Фрэнком Лессером в 1945 г. Хайнлайн приводит в этом отрывке неканонический текст, скомбинированный из строк двух последних куплетов баллады.

Но от этого кольца отделилась вдруг фигурка и понеслась к нам со всей быстротой, какую позволял развить командирский скафандр.

Джелли встретил нас в прыжке и ухватился за наплечный ракетомет Флореса.

Еще три прыжка, и мы у судна. Все остальные уже на борту, но дверь не закрыта. Пилот вопила, что теперь шлюпка разминется с кораблем и все мы обзаведемся фермами. Но Джелли не слушал. Мы уложили Флореса и улеглись рядом. Когда мощный импульс метнул нас вверх, Джелли сказал, обращаясь в пустоту:

– Все на борту, лейтенант. Трое подстрелены, никто не брошен.

Надо сказать спасибо капитану Деладре, лучшему из пилотов. Рандеву эвакошлюпки с кораблем на орбите прошло без сучка без задоринки. Не знаю, как ей удалось такое чудо, но факт остается фактом: капитан увидела в телескоп, что эвакошлюпка не взлетела вовремя, и затормозила, а потом опять разогнала корабль и приняла нас. Все это на глазок и навскидку; времени для перерасчетов уже не было. Если Всевышнему нужен помощник для управления полетом звезд, я подскажу, где найти такого специалиста.

По пути Флорес умер.

2

Такого страху навели
Армейские порядки —
Я был готов на край земли
Бежать во все лопатки.
Янки Дудль, попляши,
Бес тебе в печенку!
Попляши от души,
Покружи девчонку.

Если честно, я не собирался идти в армию. И уж тем более не хотел служить в пехоте. Да пусть лучше мне выплюют десять горячих на позорной площади! Пусть родной отец заявит, что я осрамил нашу доблестную фамилию!

Сказать по правде, будучи старшеклассником, я заявил однажды отцу, что подумываю насчет добровольного поступления на Федеральную службу. Наверное, такое случается с любым мальчишкой, когда приближается его восемнадцатилетие, – а со мной это случилось за неделю до окончания школы. Конечно, у большинства дело не заходит дальше разговоров, поносятся с затеей и бросят, чем-нибудь другим займутся – в колледж поступят или работу найдут. Наверное, и со мной было бы так же... если бы мой закадычный дружок не решил окончательно и бесповоротно пойти в армию.

В средней школе мы с Карлом были не разлей вода. Вместе ухлестывали за девчонками, вместе ходили на свидания, посещали дискуссионный клуб, гоняли электроны в домашней лаборатории Карла. Я маловато смыслил в физике, но неплохо управлялся с паяльником. Карл напрягал мозги, а я выполнял его инструкции. Скучать не приходилось – мой приятель был мастак придумывать интересные задачи. Его родители зарабатывали несравнимо меньше, чем мой отец, но это обстоятельство нисколько не мешало дружбе. Когда на четырнадцатые именины папа купил мне вертолет «роллс», вышло так, что подарок достался нам с Карлом на двоих. В свою очередь, я в его подвальной лаборатории чувствовал себя как дома.

И вот однажды Карл заявил, что после школы он не собирается поступать в вуз, не отслужив срочную. Мой друг не шутил, он, похоже, верил, что тянуть солдатскую лямку – дело естественное, разумное и нужное.

Я ни секунды не раздумывал: значит, и мне туда дорога.

Посмотрев на меня с сомнением, он сказал:

– Отец не отпустит.

– Чего? Да как он меня удержит?

Конечно не удержит, закон на моей стороне. Служить или не служить – первый свободный выбор в жизни гражданина (который может стать и последним): когда парню или девушке исполняется восемнадцать, он или она, если хочет, добровольно вступает в армию, и никто ему этого не запретит.

– А вот увидишь. – И Карл сменил тему.

Вскоре я завел с отцом разговор о моей дальнейшей судьбе, постаравшись сделать это аккуратно, исподволь.

Отложив газету и сигару, он вперил в меня взгляд:

– Сынок, да ты в своем ли уме?

Я пробормотал нечто утвердительное.

– А говоришь как форменный псих. – Он тяжело вздохнул. – Но все-таки надо было этого ожидать... Предсказуемое событие на данной стадии взросления. Я помню, как ты научился ходить, а значит, перестал быть младенцем. Ох и шалун из тебя получился! Суший бесенок! Разбил мамину вазу эпохи Мин, причем нарочно, я в этом совершенно уверен... Но ты был слишком мал, чтобы понимать ее ценность, поэтому наказание было пустяковым – шлепок по нашкодившей руке. Помню я и тот день, когда ты стянул у меня сигару. Мы с мамой притворились, будто не заметили твою зеленую физиономию за ужином, к которому ты не притронулся, – и я только сейчас упоминаю тот случай. Детям полезно на собственном опыте убедиться, что пороки взрослых – не для них. Мы не упустили из виду, как ты перешел на следующую ступень и обнаружил, что девочки отличаются от мальчиков, что они удивительны и прелестны. – Отец снова вздохнул. – Все это нормальные этапы. А на последнем, когда взросление завершается, мальчик решает вступить в армию и надеть красивый мундир. Либо внушает себе, что встретил любовь, какой еще не бывало ни у одного мужчины, и должен немедленно жениться. А иногда он совершает обе эти глупости разом. – Отец мрачно улыбнулся. – Что едва не случилось со мной. Но я не позволил себе свалить дурака и разрушить мою судьбу.

– Папа, я не собираюсь рушить мою судьбу. Речь не идет о военной карьере, я просто отслужу солдатский срок.

– Давай на эту тему поговорим позже. А сейчас позволь объяснить, чем чревата твоя затея. Во-первых, наша семья больше ста лет держалась в стороне от политики, предпочитая, так сказать, возделывать свой сад⁹, и почему бы тебе не сохранить эту славную традицию? Догадываюсь, ты поддался влиянию этого типа из твоей школы – как бишь его? Ну, ты понял, о ком я.

Папа имел в виду нашего наставника по истории и нравственной философии, который, само собой, был ветераном.

– Мистер Дюбуа.

– Гм... Фамилия нелепая, но для него в самый раз. Наверняка иностранец. Это же форменное свинство – превращать школы в негласные вербовочные пункты. Уму непостижимо, почему такая практика не запрещена законом. Я, пожалуй, отправлю куда следует жалобу и не постесняюсь в выражениях. Есть же у налогоплательщика какие-никакие права!

⁹ *Возделывать свой сад* – выражение, восходящее к вольтеровскому «Кандиду»; здесь: заниматься своей жизнью, а не пытаться изменить общество.

– Папа, ты не прав, он ничем таким не занимается. Он...

Я смешался, не зная, как описать то, чем занимается мистер Дюбуа. Он раздражителен, с учениками держится высокомерно, словно все мы заведомо негодны для воинской службы. Мне он не нравился, если честно.

– Наоборот, он отговаривает...

– Гм... А знаешь, как пастух заставляет свинью идти за ним? Тычет палкой ей в пятку. Ладно, оставим эту тему. Ты окончишь школу и сдашь экзамены в Гарвард, будешь изучать бизнес. Об этом у нас с тобой уже был разговор. Затем пройдешь курс в Сорбонне и заодно попутешествуешь, познакомишься с нашими контрагентами, узнаешь, как в других странах ведутся дела. По возвращении домой впряжешься в работу. Начнешь с мелкой должности – скажем, товароведа, – но это только для проформы. Глазом не успеешь моргнуть, как станешь топ-менеджером. Я не молодею, и чем раньше переложу груз на твои плечи, тем лучше будет для нашей семьи. Как только увижу, что ты способен и готов, поставлю тебя во главе дела. Вот так-то! Нравится мой план? Согласись, он куда лучше, чем твой – выбросить два года из жизни.

Я промолчал. Папа не сказал ничего нового, и я давно все обдумал.

Он встал и положил руку мне на плечо:

– Сынок, не считай, что мне безразличны твои желания. Но взгляни реальности в глаза. Если бы наша страна воевала, я первым предложил бы тебе пойти добровольцем; я бы даже переставил наш бизнес на военные рельсы. Но мы живем мирно, и, слава богу, так будет всегда. Войны остались в прошлом, мы их переросли. На Земле царит покой и счастье, и у нас очень неплохие отношения с другими планетами. Что же представляет собой так называемая Федеральная служба? Да чистой воды нонсенс. Это нефункциональный орган, анахронизм, паразит, тянущий соки из налогоплательщиков. Это крайне дорогостоящая форма занятости населения – людям малополезным, потенциальным безработным, дают какое-то время пожить за государственный счет, а потом они возвращаются на гражданку и до конца своих дней мнят себя высшей кастой. Неужели ты этого хочешь?

– Карл не малополезный!

– Ну извини. Да, он славный мальчик... просто выбрал неверный путь. – Отец нахмурился, а потом вдруг улыбнулся. – Сынок, я подготовил подарок к твоему выпуску. Молчал о нем, хотел сделать сюрприз, но сейчас скажу, чтобы тебе легче было отказаться от глупой затеи. Не потому, что боюсь за тебя, – хоть ты и в нежном возрасте, я верю в твоё здравомыслие. Тебя гложут сомнения, так почему бы их не развеять? Догадываешься, о чем я?

– Вообще-то, нет...

Папа ухмыльнулся:

– Об экскурсии на Марс!

Должно быть, я в тот момент выглядел совершенно обалдевшим.

– Папа! Вот это да! Я даже мечтать не смел...

– А я хотел тебя удивить и вижу, это удалось. Знаю, дети обожают космические путешествия, хоть и не возьму в толк почему. В первый раз интересно, а потом все одно и то же. Но для тебя самое время слетать на Марс... без нас с мамой, я разве не сказал? – и вычеркнуть это дело из твоей повестки... Вот возьмешься за гуж, и даже недельку для прогулки по Луне будет трудно выкроить. – Он снова уткнулся в газету. – Не надо меня благодарить. Хочу дочитать, и скоро сюда явятся джентльмены для делового разговора, так что ступай.

Я выскочил из отцовского кабинета. Похоже, папа был уверен, что проблема снята. Кажется, я тоже считал вопрос с армией решенным, и не в пользу армии. Я полечу на Марс! Причем самостоятельно!

Но Карлу я не сообщил об отцовском подарке, а то бы мой друг, возможно, счел это подкупом. Да подкуп и есть, как ни крути... Я лишь сказал, что мы с отцом разошлись во мнениях насчет воинской службы.

– Угу, – кивнул Карл, – мой тоже против. Но со своей жизнью я как-нибудь сам разберусь.

Обо всем этом я думал на последнем уроке истории и нравственной философии. От других предметов ИНФ отличался тем, что посещать его было обязательно, а сдавать – нет. А мистеру Дюбуа, похоже, было безразлично, дойдет ли до наших мозгов что-нибудь из его объяснений. За ним водилась манера наставлять на ученика обрубком левой руки и отрывисто проносить вопрос. Он даже имена запоминать не удосуживался. И вспыхивал спор.

Но в этот последний день мистер Дюбуа как будто решил проверить, усвоили ли мы хоть что-то.

Одна девочка дерзко заявила ему:

– Моя мама говорит, что насилие никогда ничего не решает.

– Да неужели? – спросил мистер Дюбуа, холодно глядя на нее. – Уверен, властям Карфагена интересно было бы это услышать. Не желает ли твоя мама их просветить? Или, может, этим займешься ты?

Они и раньше цапались – раз нельзя провалить экзамен, нет нужды задабривать мистера Дюбуа.

– Да вы смеетесь надо мной! – взвилась на дыбы моя одноклассница. – Карфаген давным-давно разрушен!

– Такое впечатление, что для тебя это новость, – мрачно произнес учитель. – Ну а раз ты в курсе, ответь: что, если не насилие, решило судьбу Карфагена, причем раз и навсегда? И вовсе не над тобой персонально я смеюсь, а над непростительно глупыми идеями, которые втемашивают в детские головы. Я всегда презирал тех, кто этим занимается, – и меняться не собираюсь. Тем, кто цепляется за развенчанную историю, а следовательно, безнравственную доктрину «насилие ничего не решает», советую вызвать духов Наполеона Бонапарта и герцога Веллингтона. Пусть они подискутируют на эту тему, а арбитром будет дух Гитлера. В жюри можно пригласить маврикийского дронта, бескрылую гагарку и странствующего голубя.

Насилием, грубой агрессией в истории человечества закрыто больше вопросов, чем любыми другими средствами, а кто считает иначе, тот предается самообману в наихудшем смысле этого слова. Любое племя, забывшее сию фундаментальную истину, непременно поплатится жизнью или свободой.

Учитель тяжело вздохнул:

– Еще один год, еще один класс – и еще один мой провал. Напичкать ребенка знаниями нетрудно, но как добиться, чтобы он думал? – И вдруг мистер Дюбуа наставил культю на меня. – Вот скажи, в чем состоит нравственное различие между военным и штатским?

– Это различие, – ответил я, тщательно выбирая слова, – лежит в сфере гражданского мужества. Военный несет личную ответственность за безопасность государства, членом которого является, и защищает его, при необходимости даже ценой собственной жизни. Штатский человек такой ответственности не несет.

– Все по учебнику, буква в букву, – брезгливо поморщился мистер Дюбуа. – Сам-то хоть понял, что сказал? А если понял, неужели поверил?

– Э-э-э... Не знаю, сэр.

– Конечно не знаешь! Сомневаюсь, что кто-нибудь из вас признает «гражданское мужество», даже если оно подойдет и залает вам в лицо! – Он глянул на часы. – Ладно, закончили. Совсем закончили. Может, и встретимся еще когда-нибудь, в более приятных обстоятельствах. Вольно, разойтись.

Потом был выпускной вечер, через три дня – мой день рожденья, а спустя почти неделю – день рожденья Карла. За этот срок я так и не сказал другу, что в армию не пойду. Вероятно, он догадывался, но не задавал вопросов – стеснялся, как и я.

На другой день после Карловых именин я с ним встретился, и мы вместе пошли в вербовочный пункт.

И столкнулись на ступеньках госучреждения с Карменситой Ибаньес, нашей одноклассницей. Благодаря существованию таких прелестниц радуешься своей принадлежности к двуполому биологическому виду. Кармен не была моей девушкой, да она вообще ничьей девушкой не была. Ни с одним парнем не встречалась дважды, хотя со всеми нами держалась любезно. Я с ней был неплохо знаком по той единственной причине, что она часто плавала в нашем бассейне, имевшем поистине олимпийскую длину, и обычно приходила в сопровождении нового мальчика. Иногда являлась одна, но это по настоянию моей мамы, считавшей, что Кармен «хорошо влияет» на меня. Тут, пожалуй, мама была права.

Заметив нас, Кармен задержалась у входа и улыбнулась:

– Привет, ребята.

– Привет, *Ochee Chyornya*, – откликнулся я. – Каким ветром тебя сюда занесло?

– А самому догадаться трудно? У меня сегодня день рождения.

– Серьезно? Мои поздравления.

– И я иду в армию.

Я ахнул от изумления, и Карл, похоже, растерялся не меньше моего. Но Карменсита – это Карменсита. Она о себе слухов не распускает и свои проблемы решает сама.

– Кроме шуток? – Мне не пришло в голову ничего поумнее.

– Да какие тут шутки? Выучусь на пилота космического корабля. Ну, хотя бы попытаюсь.

– Наверняка получится, – поспешил вставить Карл. – У тебя для этого есть все данные.

Сколько раз я потом убеждался в его правоте!

Кармен невысока и отлично сложена, у нее отменное здоровье и превосходные рефлекссы, скучные соревнования по прыжкам в воду она превращает в увлекательное шоу и как орешки щелкает любые задачи. Сам-то я выпустился с оценкой «С» по алгебре и «В» по деловой арифметике, а Кармен мало того что изучила все математические дисциплины в рамках школьной программы, так еще и прошла высший курс где-то на стороне. Зачем малютке Ибаньес понадобилась математика? Этим вопросом я никогда не задавался. Когда любишь таким вот ходячим украшением планеты, тебя не интересует его практическое применение.

– Мы... – заговорил Карл, – то есть я тоже хочу завербоваться.

– Оба хотим, – сказал я.

Нет, это не разум принял решение, а рот вдруг зажил собственной жизнью.

– Правда?! Вот здорово!

И я твердо добавил:

– Я тоже стану космическим пилотом.

Это не вызвало смеха, Карменсита ответила со всей серьезностью:

– Замечательно! Надеюсь, будем видеться на тренировках.

– На встречных курсах? – хмыкнул Карл. – Не столкнитесь только.

– Карл, не говори ерунды! На Земле, конечно. А ты тоже хочешь в пилоты?

– Я? – переспросил мой друг. – Нет, грузовик водить – это не по мне. Да ты же мою натуру знаешь. Пойду в «Космические исследования и разработки», если возьмут. Электроника.

– Грузовик водить! Ну надо же! Надеюсь, тебя на Плутон загонят, намерзнешься там досыта. Хотя нет, конечно, я тебе желаю только удачи. Ну что, идем?

Мы поднялись по ступенькам в ротонду; там, огороженный барьерами, находился вербовочный пункт. За столом сидел флот-сержант в парадной форме, яркой, как цирк шапито; вся грудь – в планках незнакомых мне орденов. От правой руки осталось так мало, что китель ему сшили вовсе без рукава... А подойдя к барьеру, я увидел, что у военного и ног нет.

Но его это как будто несколько не смущало.

– Доброе утро, – поздоровался Карл. – Я хочу вступить в армию.

– Я тоже, – добавил я.

Сержант не обратил на нас ни малейшего внимания. Но, даже сидя, ухитрился отвесить поклон нашей спутнице:

– Доброе утро, юная леди. Чем могу быть вам полезен?

– Я намерена вступить в ряды вооруженных сил.

– Славная девочка! – улыбнулся военный. – Беги в двести первую кабинку, обратись к майору Рохас, она займется тобой. – Потом оглядел Кармен с головы до ног. – В пилоты?

– Если можно.

– Наверное, годишься. Иди к мисс Рохас.

Кармен вышла, поблагодарив сержанта и бросив нам:

– Увидимся.

Военный наконец уделил внимание нам с Карлом. Но наша внешность, в отличие от внешности Кармен, не доставила ему ни малейшего удовольствия.

– Итак? – спросил он. – Куда? В трудовой батальон?

– Что вы! – запротестовал я. – Конечно нет! Я хочу стать пилотом.

Он присмотрелся ко мне и равнодушно перевел взгляд:

– А ты?

– Меня интересует Научно-исследовательский корпус, – важно проговорил Карл. – Особенно область электроники. Полагаю, у меня хорошие шансы.

– Хорошие, если ты годишься для этого дела, – проворчал сержант, – но плохие, если ты пустышка без ума и таланта. Парни, вы хоть догадываетесь, почему я сижу тут перед вами?

Я не понял вопроса.

– Почему? – буркнул Карл.

– Да потому, что государству совершенно наплевать, вступите вы в армию или нет! Нынче мода такая, многие, даже слишком многие желают отслужить солдатский срок, получить право голоса, нашить ветеранскую ленточку на лацкан... даже не побывав ни в одном бою. Но если вы рветесь служить и я не в силах вас отговорить, то армия вынуждена вас принять, по той единственной причине, что это вам гарантировано Конституцией. Там сказано: любой мужчина и любая женщина по праву рождения может отслужить в вооруженных силах и получить полноценное гражданство. Но это не отменяет того печального факта, что нам не обеспечить достойной службой всех желающих, а славный кухонный патруль¹⁰ отчего-то не пользуется популярностью. Не каждый способен стать настоящим солдатом, а ненастоящие на войне без надобности, поэтому отбирается только наиболее пригодный материал. Вы хоть представляете себе, чего стоит воспитать бойца?

– Нет, – честно ответил я.

– Две руки, две ноги и тупая башка – по мнению обывателя, этого вполне достаточно. Допускаю, раньше, в эпоху пушечного мяса, обыватель был прав. Наверное, Юлию Цезарю ничего другого и не требовалось. А в наше время все иначе, сегодняшний рядовой – специалист такой высокой квалификации, что и в любой иной области деятельности легко станет мастером. Мы дураков не держим, это непозволительная роскошь. Поэтому тем, кто желает отслужить, но не обладает нужными нам качествами, предлагается длинный список грязных, вредных, противных работ. С такой службы многие убегают, поджав хвост, раньше срока, а кто не убегает, тот всю жизнь помнит, чего стоит право голоса, и дорожит им. Возьмем, к примеру, девчушку, которая с вами пришла. Она хочет выучиться на пилота, и надеюсь, у нее получится – хорошие пилоты нам нужны, их всегда не хватает. А если не получится, дослуживать придется в Антарктике, и эти прелестные глазки покраснеют, не видя другого света, кроме искусственного, а ручки загрубеют от изнурительной черной работы.

¹⁰ *Кухонный патруль* – на американском военном жаргоне – служба при кухне, кухонные наряды.

Хотелось возразить, что Карменсита в крайнем случае займется компьютерным программированием космических рейсов, ведь она в математике дока, но сержант не дал мне и рта раскрыть.

– Так что, детки, моя работа – охлаждать ваш пыл. Вот, взгляните. – Он крутанулся вместе с креслом, на тот случай, если мы еще не заметили отсутствие ног. – Предположим, вы не отправитесь на Луну копать туннели, не попадете в биолaborаторию, где на самых никчемных солдатах испытывают новые хвори. Предположим, мы все-таки сделаем из вас бойцов. Но полюбуйте на меня: итог вашей службы может быть и таким. А то и похуже: вы получите земельный участок метр на два, а ваша родня – телеграмму с глубокими соболезнованиями. Именно это, скорее всего, и случится – в нынешние времена на ученьях и в бою раненых бывает мало. Если все-таки попадете туда, то, скорее всего, вернетесь домой в гробу. Я – редкое исключение, мне повезло... Хотя вряд ли вы это считаете везеньем. – Выдержав паузу, он добавил: – Так что не пойти ли вам, мальчики, обратно к мамкам, а? Отучитесь в колледже, станете аптекарями или там страховыми агентами... Армия – не детский летний лагерь. Служба трудна и опасна даже в мирное время, ее последствия иногда крайне печальны. Ни отпусков, ни романтических приключений. Ну так как?

– Я пришел, чтобы записаться, – ответил Карл.

– Я тоже.

– А вы в курсе, что не от вас зависит, где вы будете служить?

– Полагаю, мы все-таки можем высказать свои предпочтения?

– Безусловно, можете – в первый и последний раз за весь срок службы. И эти ваши предпочтения даже будут учтены уполномоченным по распределению рекрутов. Первым делом он справится, поступала ли на этой неделе заявка на леворуких стеклодувов – ежели именно это занятие вам по душе. С превеликим разочарованием узнав, что таковые требуются где-нибудь на дне Тихого океана, он протестирует вас на умственную и физическую работоспособность. Примерно в одном случае из двадцати он вынужден признать годность кандидата... но тут какой-нибудь шутник-кадровик присылает на вас совершенно неожиданную разнарядку. В девятнадцати же случаях рекруты проваливают тестирование и отправляются на Титан испытывать в полевых условиях снаряжение для выживания. – Сержант перешел на задумчивый тон: – А на Титане лютая стужа. Вы не поверите, как часто там ломается экспериментальное оборудование. Но испытывать его в реальных условиях необходимо, в лабораториях всех проблем не выявишь.

– Я могу работать с электроникой, – стоял на своем Карл. – Лишь бы работа была.

– С тобой все понятно. А как насчет твоего дружка?

Я колебался. Но вдруг осознал: если сейчас же не кинусь в омут головой, так и проживу всю жизнь сыном хозяина фирмы.

– Хочу попытать счастья.

– Ладно, будь по-вашему. Только не говорите потом, что я не предупреждал. Свидетельства о рождении с собой? И дайте-ка взглянуть на ваши удостоверения личности.

Через десять минут мы были уже на верхнем этаже; там нас ощупали, прослушали, просветили рентгеном. Я решил, что это и есть проверка физической пригодности: если ты здоров, врачи изо всех сил постараются сделать тебя больным. Не сумеют – значит, годен.

Я поинтересовался у доктора, какой процент отбраковывается по здоровью. Вопрос его удивил.

– Никого мы не отбраковываем, это законом запрещено.

– Чего-чего?! Ой, простите, доктор. Я хотел спросить, зачем тогда нужен этот стриптиз с гусиной кожей?

– Как это зачем? – Он размахнулся и стукнул молотком по моему колену; я дрыгнул ногой и задел его, но не сильно. – Надо же определить, на что годится рекрут по физическим данным.

Даже если бы ты прикатил сюда в инвалидном кресле, слепой на оба глаза и потребовал, чтобы тебя взяли в армию, мы бы подыскивали занятие, достойное такого идиота. Например, считать на пальцах волоски у гусениц. Единственная причина для отказа – засвидетельствованное психиатрами непонимание текста присяги.

– Ого! Э-э-э... Доктор, а вы уже были врачом, когда в армию завербовались? Или вас сочли подходящим для медицинской службы и отправили учиться?

– Меня? Учиться? – Вопрос возмутил его. – Юноша, неужели я похож на идиота? Я гражданский персонал!

– Ой!.. Простите, сэр.

– Да ладно, я не обиделся. Но армия – это для муравьев. Поверь, я знаю, о чем говорю. Я вижу, как парни уходят отсюда, и вижу, как они возвращаются – если возвращаются. То, что делает с ними служба, – чудовищно! Спрашивается, ради чего? Ради абсолютно номинальной политической привилегии, не дающей ни сентаво приварка? Большинству отслуживших даже не хватает ума и знаний, чтобы с толком распорядиться правом голоса. Знаешь, если бы решали мы, врачи... Впрочем, не будем об этом. А то еще подумаешь, что я веду изменнические речи, хотя у нас, вообще-то, свобода слова. Я только одно скажу: если умеешь считать до десяти, значит ты достаточно умен, чтобы вернуться домой, пока еще есть такая возможность. Все, юноша, бери эти бумаги и ступай к сержанту-вербовщику. И поразмысли над моими словами.

Я вернулся в ротонду. Карл уже был там. Просмотрев мои бумаги, флот-сержант мрачно изрек:

– Похоже, здоровьем вас бог не обидел, чего не скажешь об уме. Минутку подождите, я позову свидетелей.

Он нажал на кнопку, и появились два официальных лица женского пола. Одна – старая бой-баба, а другая ничего, симпатичная.

Сержант ткнул пальцем в бланки медицинского освидетельствования, в метрики, в удостоверение личности и с пафосом изрек:

– Я пригласил вас, дабы вы, каждая самостоятельно, ознакомились с находящимися документами, подтвердили их принадлежность присутствующим здесь молодым людям и удостоверили их юридическую силу, если таковая не вызывает сомнений.

Женщины взялись за дело без пафоса – судя по всему, для них это была скучная рутина. Тем не менее они скрупулезно изучили все бумаги, сняли у нас отпечатки пальцев (опять!), а симпатичная вдобавок надела на глаз ювелирную лупу и сравнила отпечатки из свидетельства о рождении со свежими. Аналогичная кропотливая процедура была проделана и с подписями. Тут поневоле засомневаешься, что ты – это на самом деле ты.

– Выявлены ли признаки неспособности принять присягу? – спросил флот-сержант. – А если выявлены, каковы они?

– У обоих лиц, – ответила старшая, – к форме медицинского освидетельствования на общее состояние здоровья прилагается надлежащим образом заверенное заключение комиссии компетентных и полномочных психиатров, удостоверяющее полную вменяемость данных лиц, а следовательно, их способность принять присягу. Они не находятся под воздействием алкоголя, наркотиков или иных отупляющих веществ; также они не пребывают под гипнозом.

– Отлично. – Флот-сержант повернулся к нам. – Повторяйте за мной. «Я, достигший призывного возраста, по моей собственной воле...»

– «Я, – хором вторили мы с Карлом, – достигший призывного возраста, по моей собственной воле...»

– «...А не в силу принуждения, уговоров или каких-либо иных побудительных мотивов, будучи должным образом осведомлен о значении воинской присяги и предупрежден об ответственности за ее нарушение...»

– «...Вступаю в ряды Вооруженных сил Земной Федерации на срок не менее двух лет, с продлением, если того потребуют интересы службы».

На этом месте я слегка поперхнулся воздухом. Всегда почему-то считал, что в армию берут ровно на два года, хоть люди и рассказывали, как оно обстоит на самом деле. Это что же выходит, мы на всю жизнь впрягаемся в солдатскую лямку?

– «...Клянусь хранить и защищать Конституцию Федерации от всех внешних и внутренних врагов, хранить и защищать гарантированные Конституцией права и привилегии всех граждан и законопослушных резидентов Федерации, а также ассоциированных с нею государств и территорий. Клянусь неукоснительно исполнять и в пределах Земли, и за ее пределами носящие законный характер обязанности, поручаемые мне прямой и делегированной легальной властью...

...Клянусь неукоснительно исполнять носящие законный характер приказы и распоряжения главнокомандующего Вооруженными силами Земной Федерации и всех моих прямых воинских начальников, а также полномочных представителей государственной власти...

...И требовать такового исполнения от всех военнослужащих и иных лиц, принадлежащих как к человеческому, так и к иным разумным видам и находящихся у меня в законном подчинении...

...Будучи же с почетом демобилизован по истечении полного срока службы либо переведен в запас по истечении означенного срока, я стану выполнять все обязанности и обязательства, равно как и пользоваться всеми привилегиями гражданина Федерации, каковые обязанности, обязательства и привилегии включает в себя, не ограничиваясь ими, суверенное избирательное право. Этим правом я буду пользоваться до завершения естественного срока моей жизни, если не лишусь его в силу окончательного приговора, вынесенного судом суверенных избирателей...»

Ух ты! Мистер Дюбуа на уроке истории и нравственной философии разобрал присягу по косточкам и заставил нас вызубрить ее слово в слово. Но невозможно оценить по достоинству все величие этой клятвы, пока она не наедет на тебя в один прекрасный день стремительной и неудержимой джаггернаутовой колесницей¹¹.

Ну, по крайней мере эта процедура заставила меня почувствовать, что я больше не цивильный мальчишка с пустой головой и не заправленной в штаны рубахой. Еще непонятно, кем я буду, но уже ясно, кем перестал быть.

– «И да поможет мне в этом бог!» – дружно закончили мы, после чего Карл перекрестился, и симпатичная девушка тоже.

И снова мы – теперь уже все пятеро – оставили отпечатки пальцев и подписи. Нас с Карлом сфотографировали, вклеили в наши документы плоские цветные снимки. И вот наконец флот-сержант оторвал взгляд от бумаг:

– Эге, да я обеденный перерыв пропустил. Ребята, мне пора подкрепиться.

Я проглотил комок в горле:

– Гм... сержант...

– А? Я слушаю.

– Можно родителям звякнуть? Рассказать, как прошло?

– Можно даже кое-что получше.

– Сэр?

– Тебе предоставляется отпуск на сорок восемь часов. – И с ледяной улыбкой флот-сержант спросил: – А знаешь, что будет, если не вернешься?

¹¹ *Джаггернаут* – слепая и непреклонная сила; название происходит от санскритского слова Джаганнатха («владыка Вселенной») – одного из имен Кришны: во время ритуала Ратха-ятра несколько тысяч человек тянут огромную колесницу со статуей Джаганнатхи.

– Э-э-э... Военный трибунал?

– Ну ты сказал! Да ничего тебе не будет. Только в твоём личном деле появится запись «служба не пройдена», и о втором шансе даже не мечтай. Двое суток – «период охлаждения», за этот срок отсеиваются недоросли, которые на самом деле служить не хотят, а присягнули просто сдуру. Так мы экономим государственные денежки, а нежные детки и их родители экономят горькие слезы. Соседям ничего знать не нужно, и даже папе с мамой можешь не сообщать. – Он отодвинулся вместе со стулом от стола. – Так что увидимся послезавтра в полдень. Если увидимся. Не забудьте личные вещи.

Расставание вышло не из приятных. Папа сначала разбушевался, потом прекратил со мной разговаривать. Мама слегла в постель. Ушел я на час раньше, и никто со мной не попрощался, кроме утренней кухарки и прислуги.

Перед столом сержанта по вербовке я заколебался: надо ли отдавать честь? Решил не отдавать – все равно еще не умею.

Он поднял голову:

– А, это ты. Вот твои бумаги, носи их в двести первый кабинет, там начнутся твои мытарства. Не забудь постучаться.

Через два дня я узнал, что пилотом мне не быть. Спасибо врачам на медкомиссии, понаписавшим про меня всякие гадости: «слабое интуитивное восприятие пространственных форм», «низкая математическая одаренность», «недостаточная математическая подготовка»... И это притом, что «скорость реакции адекватная» и «зрение в норме». Впрочем, за последние два пункта я был благодарен врачам, а то уже подумывал, что счет на пальцах – это все мои достижения.

С позволения уполномоченного по распределению рекрутов я составил список моих предпочтений в приоритетном порядке, и меня четыре дня истязали непостижимо абсурдным тестированием на пригодность. Ну что они хотели выяснить, заставляя стенографистку срываться со стула и вопить: «Змеи!» Добро бы она при этом змеей в меня тыкала, а не безобидным куском пластмассового шланга.

Большинство устных и письменных тестов выглядели не менее дебильно, но экзаменаторам они почему-то безумно нравились, так что мне пришлось терпеть. Зато я охотно – и очень старательно – составлял список воинских ремесел, которым был не прочь себя посвятить. Естественно, верхними пунктами шли все космофлотские профессии (кроме пилота). Я бы согласился и на техника по обслуживанию энергоотсека, и даже на кока – лишь бы не в армию, лишь бы путешествовать.

Далее следовала разведка – у шпиона тоже есть шансы поглядеть на мир, да и не так уж скучна, по моим представлениям, эта служба. (Я заблуждался, но это не важно.) Потом шла психологическая война, химическая война, биологическая война, боевая экология (что за штука – непонятно, но звучит интересно), Логистический корпус (тут вышла ошибочка: логика, по которой я готовил выступление для школьного дискуссионного клуба, и логистика оказались совершенно разными понятиями) и еще с десятка профессий. В самом низу после некоторых колебаний я поставил кинологическую службу и пехоту.

Различные небоевые вспомогательные службы не вошли в этот список, меня привлекали только настоящие войска. И черт с ним, пусть меня даже используют в качестве лабораторного животного или спровадят террифицировать Венеру. Утешительный приз всяко лучше, чем никакой.

Мистер Вайсс, уполномоченный по распределению, вызвал меня через неделю после принятия присяги. Этот специалист по психологической войне успел выйти в отставку майором и вернуться на действительную службу, получив должность в войсках тылового обеспечения.

Однако он носил штатское и требовал, чтобы к нему обращались просто «мистер». С ним можно было разговаривать по-свойски, не напрягаясь.

Список облюбленных мною профессий лег к нему стол вместе с результатами тестирования. Войдя в кабинет, я увидел у мистера Вайсса в руках мой табель успеваемости – и обрадовался, ведь в школе я учился неплохо. Конечно, зубрилой не слыл и в отличники не рвался, но зато прошел все предметы, кроме одного, и не срезался на экзаменах. Да и внеклассная деятельность выглядела солидно: секция плавания, дискуссионный клуб, команда легкоатлетов, казначей класса, серебряная медаль ежегодного литературного конкурса, председатель оргкомитета Бала выпускников и все такое прочее. Вполне приличная биография, к тому же записанная в табеле.

Когда я подошел к столу, уполномоченный поднял взгляд, сказал: «Присядь, Джонни» – и снова уткнулся в табель. Потом отложил его и спросил:

– Собак любишь?

– А?.. Да, сэр.

– И как сильно ты их любишь? Разрешаешь псине спать на твоей койке? Кстати, где сейчас твоя собака?

– Э-э-э... Вообще-то, сейчас у меня нет собаки, сэр. Раньше был пес, но на кровать не забирался. Мама не разрешала держать собак в доме.

– Но ты же пускал его тайком?

– Э-э-э...

Мама не злится, если что-то делается наперекор ее воле, но у нее есть привычка обижаться всерьез и надолго. Я хотел было объяснить это мистеру Вайссу – и передумал.

– Нет, сэр.

– Гм... А неопса ты когда-нибудь видел?

– Да, сэр, один раз. Два года назад на выставке в «Театре Макарура»¹². Но из-за этих неопсов подняло шум Общество по предотвращению жестокого обращения с животными.

– Позволь, я расскажу, как обстоит с этим дело в Кинологическом корпусе. Неопсы – не просто говорящие собаки.

– Того, в «Театре Макарура», я не понял. Они что, правда говорить умеют?

– Умеют. Надо только собственное ухо приучить к их произношению. Пасть неопса не способна произнести «б», «м», «п» и «в», но есть эквиваленты, и к ним привыкнуть несложно. Такое бывает у людей с расщеплением твердого нёба, разве что звуки искажаются другие. Во всем же прочем неопесья речь такая же внятная, как у людей.

Тем не менее нео – не говорящая собака. Это даже вообще не собака, а плод искусственных мутаций, симбионт, выведенный из семейства псовых. Обученный нео в шесть раз умнее среднестатистического пса, то есть он практически ровня нашему человеческому дебилу. Хотя по отношению к нео такое сравнение несправедливо. Дебил – это отклонение от нормы, дефект, а нео своего рода гений, причем эта гениальность – норма. – Мистер Вайсс нахмурился. – При условии, что он живет в симбиозе. В этом-то и проблема. Мм... Ты еще слишком молод, чтобы жениться, но женатых, конечно, видел, по крайней мере твоих родителей. Можешь себе представить брак с неопсом?

– Чего? А-а-а... Конечно нет.

– В кинологической службе эмоциональные отношения человек – собака и собака – человек гораздо ближе и важнее, чем эмоциональные отношения в большинстве браков. Если погибает хозяин, мы немедленно усыпляем неопса! Из жалости. Больше мы ничего для бедной твари сделать не можем. А если погибает неопес... человека усыпить нельзя, хотя это было бы самым простым решением. Хозяина в смиренной рубашке мы отправляем в госпиталь, и

¹² «Театр Макарура» – кинотеатр на 1000 мест в Вашингтоне, существовавший с 1946 по 1997 г.

там он постепенно приходит в себя. – Мистер Вайсс взял авторучку и сделал пометку. – Вряд ли мы рискуем взять в кинологи парня, не способного обхитрить маму, чтобы собака ночевала в его комнате. Давай рассмотрим другие варианты.

Только в этот момент стало ясно: все профессии, предшествовавшие в списке кинологической, для меня были недоступны. А теперь снят и этот пункт. Я до того опешил, что едва не пропустил мимо ушей следующие слова мистера Вайсса. Эти слова звучали задумчиво и отстраненно, как будто он вовсе не обращался ко мне, а вспоминал кого-то далекого, давно покинувшего сей мир.

– Я сам был половинкой кинологической пары. Когда мой нео перешел в разряд безвозвратных потерь, меня полтора месяца продержали на успокоительных, а после перевели в другую службу. Джонни, вот ты столько разных курсов закончил – почему не научился чему-нибудь полезному?

– Сэр?

– А теперь уже поздно... Ладно, забудь. Мм... Похоже, о тебе хорошего мнения учитель истории и нравственной философии. Пишет, ты не глуп, а всего лишь невежествен и предвзят, но в этом вина не твоя, а твоего окружения.

– Он правда так написал? – поразился я.

– Я хорошо его знаю. Поверь, это высшая похвала.

«Невежествен», «предвзят» – мне это похвалой вовсе не показалось. Вот же старый высокомерный сухарь!

– И парень, получивший «С» с минусом за сочинение на тему «О роли телевидения», не может быть совсем безнадежным. Думаю, нам стоит учесть рекомендацию мистера Дюбуа. Как насчет пехоты?

Я выходил из Федерального здания подавленным, но не сказать что несчастным. Все-таки я теперь военный; в кармане документ, подтверждающий этот факт. Меня не отправят на свалку для неизлечимых тупиц.

Несколько минут назад закончился рабочий день, в здании оставался только малочисленный ночной персонал да несколько захлопотавшихся клерков. В ротонде мне встретился человек, который уже шел к выходу. Вроде я где-то видел раньше это лицо...

А он встретил мой взгляд и кивнул как знакомому. И отрывисто проговорил:

– Добрый вечер. Тебя еще не отправили?

Ну да, это флот-сержант, который нас с Карлом привел к присяге. У меня аж челюсть отпала: он в гражданском, на двух ногах и при обеих руках.

– Добрый... вечер... сержант... – пролепетал я.

Он безошибочно прочитал выражение моего лица, окинул себя взглядом и улыбнулся:

– Успокойся, парень, мне не надо после работы выглядеть пугалом для добровольцев. Так ты получил назначение?

– Только что, сэр.

– Куда?

– В мобильную пехоту.

Он расплылся в счастливой улыбке и протянул руку:

– Мои войска! Дай пять, дружище! Мы из тебя сделаем солдата! Если не прикончим в ходе подготовки. Впрочем, может случиться и то и другое.

– А это хороший выбор? – с сомнением спросил я.

– «Хороший выбор»? Сынок, это единственный выбор. Мобильные войска – это и есть армия. Все остальные – кнопкодавы или профессора. Они только подают инструменты, а работу делаем мы. – Он снова пожал мне руку и добавил: – Как устроишься, пришли открытку. Флот-сержант Хо, Федеральное здание. Дойдет. Удачи, парень.

Он расправил плечи, вскинул голову и ушел чеканным шагом.

А я взглянул на свои пальцы. Только что они держали правую руку флот-сержанта, которой у него на самом деле нет. Надо же, а ведь совсем как настоящая – теплая, и пожатие крепкое. Управляемый протез давно не диковина, но одно дело – читать про него, и совсем другое – познавать в ощущениях.

Я вернулся в гостиницу, где жили в ожидании отправки к месту службы новобранцы. Нам даже мундиры еще не выдали, только безликие комбинезоны – мы их носили днем, а вечером передевались в свое. У себя в номере я занялся укладкой вещей для отправки домой – утром предстояло тронуться в путь. Вайсс предупредил, чтобы я не брал ничего лишнего. Солдату разрешается иметь семейные фотографии и музыкальный инструмент, на котором он умеет играть (я не умел, так что ко мне эта поблажка не относилась). С Карлом мы попрощались три дня назад, он получил-таки назначение в Научно-исследовательский корпус. Я за него был настолько же рад, насколько он расстроен вытянутым мною лотерейным билетом. Улетела и малютка Кармен, получившая звание кадет-гардемарин и испытательный срок, – быть ей пилотом, если выдержит подготовку. Я не сомневался, что выдержит.

Появился мой сосед по комнате.

– Ну как, получил направление? – спросил он.

– Ага.

– И куда?

– В мобильную пехоту.

– В пехоту? Ну ты лопух! Вот уж влип так влип.

Я возмущенно выпрямился и произнес:

– Прекрати! Мобильная пехота – лучший род войск в армии! Мы и есть армия! Мы всю работу делаем, а вы, никчемные инструменты нам подаете!

Сосед расхохотался:

– Тебя ждет разочарование.

– Захлопни пасть! Не то кулаком заткну!

3

И будет пасти их жезлом железным...

Откр. 2: 27

Курс молодого бойца я проходил в северной прерии, в лагере имени генерала Артура Карри¹³, вместе с парой тысяч таких же юных горемык. Под словом «лагерь» я подразумеваю территорию с минимумом стационарных сооружений, которые служили ангарами и складами. Мы ели и спали в палатках, остальное время жили на открытом воздухе, хотя в ту пору я не назвал бы это жизнью. Мне, выросшему в теплом климате, казалось, что Северный полюс лежит в пяти милях от лагеря. И даже не лежит, а так и норовит подползти. Не иначе настал очередной ледниковый период.

Согревала нас только физподготовка, благо заботами начальства ее хватало с избытком.

В первый день нас разбудили еще до зари. Такое чувство, будто и часа не проспал, – сказала резкая смена часовых поясов. Просто не верилось, что я мог кому-то понадобиться посреди ночи.

Но начальство не шутило. Где-то репродуктор разразился военным маршем, и этот рев разбудил бы даже мертвого. Какая-то вредина, шагая по проходу между койками, орала:

¹³ Артур Карри (1875–1933) – выдающийся канадский военный, командующий Канадским корпусом в Первой мировой войне.

«Подъем! Выходи строиться! Галопом!» Едва я натянул на голову одеяло, вредина подскочила и сбросила меня на холодную и твердую землю.

И тут не было ничего личного – опрокинув койку, злодей даже не полюбовался на мое падение.

Через десять минут, в брюках, нательной рубашке и ботинках, я встал в неровную шеренгу. Из-за горизонта показался краешек солнца, и мы приступили к разминочным упражнениям. Командовал нами суровый, здоровенный, очень широкоплечий мужчина в такой же форме, что и на нас. Разница состояла лишь в том, что я себя ощущал плохо забальзамированным покойником, а этот тип весь лучился жизнью: до синевы побрит, в брюках с отутюженными стрелками, ботинки – хоть смотрись как в зеркало, и вообще он выглядел бодрым, отдохнувшим, готовым к любым свершениям. Такое впечатление, будто сон ему без надобности, достаточно техосмотра через каждые десять тысяч миль и периодической мойки.

– Р-разговорчики! – громыхнул он. – Р’няйсь! Смирно! Я борт-сержант контрактной службы Зим, ваш ротный. Обращаясь ко мне, отдавайте честь и говорите «сэр». Так же обращаться ко всем, у кого инструкторская палка. – Для наглядности он закрутил мулине принесенной тростью.

Накануне вечером, когда нас привезли в лагерь, я видел людей с этими тросточками и решил сам такой обзавестись – неплохо ведь смотреться. А теперь передумал.

– ...Здесь не хватает офицеров, поэтому тренировать вас будем мы. Кто чихнул?

Молчание.

– КТО ЧИХНУЛ?!

– Я, – отозвался чей-то голос.

– Что – «я»?

– Я чихнул.

– Я чихнул, СЭР!

– Я чихнул, сэр. Простудился, сэр.

– Да ну? – Зим подошел к чихнувшему, упер ему трость в верхнюю губу прямо под носом и резко спросил: – Фамилия?

– Дженкинс... сэр.

– Дженкинс, – повторил Зим так, будто это нехорошее, даже ругательное слово. – Надо полагать, ты и ночью в дозоре чихнешь, потому что в носу засвербит? Чихнешь?

– Надеюсь, что нет, сэр.

– Вот и я надеюсь. Так говоришь, простудился. Гм... Ничего, это поправимо. Посмотри вон туда, видишь вещевого склада?

Я посмотрел – и увидел только прерию. Впрочем, маячил одинокий домик чуть ли не на горизонте.

– Выйти из строя. Три круга вокруг склада. Бегом марш! Бегом, я сказал! Галопом! Бронски! Поторопи курсанта.

– Есть, сардж. – Вслед за Дженкинсом пустился один из пяти или шести обладателей инструкторской палки.

Он легко догнал Дженкинса и врезал ему тростью по мягкому месту.

Зим повернулся к нам, дрожащим от стужи в строю. Прошелся туда-сюда вдоль шеренг, оглядел каждого и ужасно разочаровался. Наконец остановился, грустно покачал головой и сказал, будто отвечая своим мыслям, но таким тоном, что проняло нас всех:

– Просто не верится, что это происходит со мной! – И снова обвел роту взглядом. – Толпа обезьян... Хотя нет, до обезьяны вам как до Луны. Всего лишь стая паршивых шавок. Впалогрудые, вислопузые, слюнявые беженцы из-под маминой юбки. Да я отродясь не видел такого позорного скопища испорченных недорослей. Кишки втянуть! Вперед смотреть! Что неясно?

Я втянул живот, хоть и не был уверен, что команда относится и ко мне.

Продолжалось это долго, и я, слушая сержантский рев, напрочь забыл о том, что промерз до костей. Зим ни разу не повторился, не обронил нецензурного слова. Позже я узнал, что такие слова у него припасены для особо серьезных залетов; в период моего обучения они негодились. Но что он себе охотно позволял, так это описывать самым подробным и оскорбительным образом наши недостатки: физические, психические, генетические и этические.

Однако я почему-то никогда не обижался. Мне даже захотелось освоить этот красочный и доходчивый язык. Жаль, что такого златоуста не было в нашем дискуссионном клубе.

Сержант наконец наорался. Теперь казалось, он вот-вот расплачется.

– Боже, я этого просто не выдержу! – сокрушался Зим. – Надо как-то подразгрузить нервную систему. Был у меня в шестилетнем возрасте набор деревянных солдатиков, так вы им в подметки не годитесь... **КОРОЧЕ!** Кто из вас, виши трущобные, возомнил, что способен меня свалить? Найдется в этой толпе хоть один смелый? Отвечать!

Наступила тишина; у меня и мысли не было ее нарушить. Свалить этого громилу? Да он меня соплей перешибет.

Где-то в конце строя, на правом фланге, раздался голос:

– Навехно... я смоху... сэх...

Зим аж просиял:

– Отлично! Иди-ка сюда, хочу на тебя полюбоваться.

Рекрут подчинился. Полюбоваться и правда было на что: как минимум на три дюйма выше сержанта Зима, да и в плечах пошире.

– Фамилия, солдат.

– Бхекинхидж, сэх... Вешу двести десять фунтов, и я вовсе не вислопузый.

– Как желаешь драться?

– Сэх, выбивайте сами, как вам умехеть. Я не пхивихедливый.

– Ладно, без правил. Начинай, когда захочешь. – И Зим отбросил трость в сторону.

Поединок начался... и моментально закончился. Наш здоровяк сидит на земле, держит правой рукой левую. И потрясенно молчит.

Над ним склонился Зим:

– Перелом?

– Да, похоже на то... сэх...

– Ну, извини. Ты меня немножко поторопил. Где санчасть, знаешь? Нет? Не беда. Джонс! Брекинриджа – в санчасть.

Когда беднягу уводили, Зим хлопнул его по правому плечу и тихо напутствовал:

– Через месяцок еще разок попробуем – я тебе объясню, что сейчас было.

Может, эти слова и предназначались только Брекинриджу, но они прозвучали в шести футах от того места, где стоял я, медленно превращаясь в глыбу льда.

Зим отошел и громогласно заявил:

– Итак, один мужчина в этой роте нашелся. Уже легче. Есть ли другой? Или даже двое? Рискнет ли парочка хилых жаб выйти против меня? – Его взгляд прошелся вправо-влево по строю. – Бесхребетные слизи! Цыплячьи души! О! О! Да неужели? Сюда, сюда!

Двое парней, стоявших плечом к плечу, вышли разом. Наверное, успели договориться шепотом, но они тоже стояли слишком близко к правому флангу, так что я ничего не услышал.

Зим улыбался:

– Фамилии, пожалуйста. Это для ваших близких родственников.

– Генрих.

– Что – «Генрих»?

– Генрих, сэр. Битте. – Генрих торопливо обменялся парой фраз с соседом и вежливо добавил: – Он еще плохо знает нормативный английский, сэр.

– Мейер, майн герр, – сказал второй.

– Ничего страшного, тут многие плохо говорят по первости, я и сам таким был. Скажи Мейеру, чтобы не переживал – научиться. Но он хоть соображает, что делает?

– Яволь, – подтвердил Мейер.

– Конечно, сэр. Он понимает английский, только говорит медленно.

– Вот и прекрасно. Ребята, этими шрамами на физиономиях вы где обзавелись? В Гейдельберге?

– Найн... нет, сэр, в Кёнигсберге.

– Это не одно и то же? – Зим подобрал трость, крутанул ею и спросил: – Хотите, одолжу эту штучку?

– Так будет нечестно по отношению к вам, сэр, – ответил Генрих, тщательно проговаривая слова. – Без оружия, если не возражаете.

– Как скажешь. Да я, может, и не отдал бы ее. Кёнигсберг, говоришь? Правила?

– Какие могут быть правила, сэр, когда двое на одного?

– Любопытная точка зрения. Что ж, договоримся хотя бы о том, что выдавленные глаза будут возвращены владельцам. И скажи своему корпсбродеру: я готов. Начинайте, когда захотите.

Зим снова отбросил трость, и кто-то ее поймал.

– Шутите, сэр? Глаза выдавливать мы не будем.

– Ладно, не будем. Огонь по готовности, Гридли!¹⁴

– Сэр?

– Давайте атакуйте. Или возвращайтесь в строй.

Вряд ли я тогда понял, что произошло; сейчас описываю то, чему впоследствии научился на тренировках. Кажется, это выглядело так. Двое одновременно двинулись на ротного, и вот они атакуют под углом сорок пять градусов, но еще не вышли на дистанцию удара. В такой позиции обороняющийся может выбирать из четырех маневров, чтобы реализовать свое преимущество в подвижности и координации. Сержант Зим потом объяснил, что любая группа слабее одиночки, при условии, что у нее нет безупречного навыка совместной работы. И это истинная правда.

К примеру, Зим мог нанести одному ложный удар, моментально сблизиться с другим и обездвигить его, разбив коленную чашечку, а потом спокойно разобраться с первым.

Но сержант предпочел ждать. Мейер двигался быстро, он хотел взять на корпус, а потом Генрих обработал бы упавшего ногами. Так выглядел замысел поначалу.

А далее, мне думается, произошло вот что. Мейер промахнулся. Сержант Зим успел повернуться к нему грудью, при этом выбросив ногу и попав Генриху в живот. Через миг Мейер взлетел в воздух – к энергии его движения Зим, не скупясь, добавил свою.

На самом деле я уверен только в одном: бой вышел недолгим, и вот уже немцы мирно отдыхают, лежа в линию, один лицом вверх, другой носом вниз, а над ними стоит несколько не запыхавшийся Зим.

– Джонс! – позвал он. – Отставить: Джонса нет. Махмуд! Сходи за водой, приведи их в чувство. У кого моя зубочистка?

Через несколько минут двое мокрых солдат вернулись в строй. Зим поглядел на нас и ласково поинтересовался:

– Еще желающие? Или можно приступать к разминке?

¹⁴ Этот приказ, ставший впоследствии крылатой фразой, был отдан коммодором Джорджем Дьюи командиру крейсера «Олимпия» Чарльзу Гридли в битве при Кавите (1898).

Я сомневался, что охотники найдутся, да и сержант явно был уверен, что задал риторический вопрос. Но с левого фланга, где стояли самые низкорослые, вышел парень и приблизился к Зиму. Тот оглядел нахала с головы до ног:

– Только один? Или выберешь напарника?

– Один, сэр.

– Как скажешь. Фамилия?

– Судзуми, сэр.

У сержанта округлились глаза.

– Полковнику Судзуми не родственник?

– Имею честь быть его сыном, сэр.

– Вот даже как? Ну хорошо... Черный пояс?

– Нет, сэр. Еще нет.

– Рад, что ты это признаешь. Ладно, Судзуми, будем играть по правилам соревнований или вызвать «скорую»?

– Как вам угодно, сэр. Но если мне позволено высказать мнение: благоразумнее было бы соблюдать правила соревнований.

– Интересно, как ты себе это представляешь? А впрочем, будь по-твоему.

Зим избавился от своего жезла власти, а затем – ничего себе! – поединщики попятнулись, стали лицом друг к другу и поклонились.

И вот они кружат в полуприседе, делая осторожные выпады, – ни дать ни взять бойцовые петухи.

Внезапно сблизились – и малыш лежит, а сержант летит через него кувырком. Но за этим не последовал глухой парализующий удар оземь. Зим перекатился и оказался на ногах одновременно с Судзуми, лицом к нему.

– Банзай! – воскликнул Зим и ухмыльнулся.

– Аригато, – с улыбкой поблагодарил Судзуми.

После кратчайшей паузы они схватились. Я ждал, что сержант опять полетит, но этого не произошло. Зим ужом проскользнул сквозь оборону противника. Замельтешили руки и ноги, а когда движения замедлились, я увидел, что сержант заталкивает левую ступню Судзуми в его правое ухо.

Курсант захлопал по земле ладонью, и Зим сразу его отпустил.

Они поклонились.

– Повторим, сэр?

– Извини. Нас ждет работа. Как-нибудь в другой раз. Потехи ради... и ради чести. Наверное, я должен был предупредить: меня тренировал твой уважаемый отец.

– Я уже догадался, сэр. В любое время к вашим услугам.

Зим с силой хлопнул его по плечу:

– В строй, солдат. Равняйся!

Потом мы двадцать минут разминались, и я обливался потом с той же силой, с какой раньше дрожал от холода. Сержант Зим выполнял упражнения наравне с нами да еще вел счет; однако я не заметил у него ни затрудненного дыхания, ни других признаков усталости. С тех пор он не занимался с ротой физподготовкой, и ни разу мы его не видели в лагере до завтрака – как говорится, ранг дает свои привилегии. Но в то первое утро он выжал из нас все соки и погнал трусцой в столовую, покрикивая: «Живей, живей! Галопом! Не растягиваться!»

В лагере имени Артура Карри мы передвигались только бегом. Кем был этот Карри, я так и не узнал – наверное, знаменитым легкоатлетом.

Брекинридж уже побывал в медицинской палатке; там ему загипсовали запястье, но оставили свободными пальцы. Я услышал его рассказ:

– Не-а, только пехелом по типу зеленой ветки. Пустяки, я с таким однажды отыгхал чет-вехть тайма. Вот увидите, я еще хазбехусь с этим гадом.

Тут он, конечно, загнул. Может, такое по плечу Судзуми, но уж точно не этой тупой горилле. Брекинридж даже не понимает, что выступил не в своем разряде. Мне Зим с первого взгляда не понравился, но у этого типа есть стиль, и тут не поспоришь.

Завтрак был что надо. В столовых школ-интернатов кормежка – сущее надругательство над человеческим достоинством, а тут, если тебе нравится лакать суп из миски, подгребая гущу пальцами ко рту, никто и слова против не скажет. И слава богу, ведь только во время приема пищи тебя не туркают начальники. Меню завтрака ничем не напоминало привычное, домашнее, и на раздаче вольнонаемные повара наполняли нашу посуду так небрежно, что мама, увидев эту картину, с воплем ужаса убежала бы к себе в комнату принимать сердечные капли. Но немудреная армейская снедь была горячей и вкусной, и мы наедались досыта.

В тот первый день я слопал вчетверо больше, чем обычно съедал дома, и запил несколькими кружками переслащенного кофе со сливками. Да я бы акулу сожрал целиком, не тратя времени на свежевание.

Я уже принялся за второе, когда появился Дженкинс, сопровождаемый капралом Бронски. Они подошли к столику, за которым расположился Зим, потом Дженкинс, зеленый от изнеможения, хрипло дышащий, упал на стул рядом со мной.

– Кофейку плеснуть? – предложил я.

Он замотал головой.

– Поешь, полегчает, – настаивал я. – Омлетик пройдет легко.

– Не могу. У-у-у, подонок этакий-разэтакий!.. – Он тихо, почти монотонно покрыл Зима на все корки. – Я говорю: мне вместо завтрака лучше отлежаться. А Бронски: нет, только с разрешения командира. Ну, я к ротному: болею, мол. А он потрогал лоб, сосчитал пульс и сказал, что отправка больных в санчасть – в девять утра. И запретил идти в палатку. Ну разве не сволочь, а? Вот подстерегу его темной ночью...

Я все же подсунул Дженкинсу омлет и налил кофе. Еще немного покипятившись, он начал есть.

Сержант Зим позавтракал одним из первых и двинулся к выходу. Возле нашего столика он задержался:

– Дженкинс.

– А? Да, сэр.

– В девять ноль-ноль обратишься к взводному за разрешением сходить к врачу.

У Дженкинса задержались челюстные мышцы, и он медленно проговорил:

– Не надо мне таблеток, сэр, я и так поправлюсь.

– В девять. Это приказ. – И сержант вышел.

Дженкинс возобновил нытье и ругань. Но в конце концов успокоился, доел омлет и про-изнес уже громче:

– И что за женщина такое на свет произвела? Вот бы на нее посмотреть хоть одним глазком. Да и была ли у него мать?

Вопрос был риторический, но он не остался без ответа. Через несколько мест от нас, во главе нашего стола, поднялся капрал-инструктор. Уже давно позавтракав, он курил и одновременно ковырял во рту зубочисткой. Да еще и подслушивал, оказывается.

– Дженкинс?

– Да, сэр?

– Ты много знаешь о сержантах?

– Нет, сэр... но я учусь.

– У сержантов не бывает матерей. – Капрал пустил дым в нашу сторону. – Спроси любого рядового, прошедшего учебку, и он тебе скажет: сержанты размножаются делением... как бактерии.

4

И сказал Господь Гедеону: народа с тобою слишком много... Итак, провозгласи вслух народа и скажи: «кто боязлив и робок, тот пусть возвратится и пойдет назад с горы Галаада». И возвратилось народа двадцать две тысячи, а десять тысяч осталось.

И сказал Господь Гедеону: все еще много народа; веди их к воде, там Я выберу их тебе. О ком Я скажу: «пусть идет с тобою», тот и пусть идет с тобою; а о ком скажу тебе: «не должен идти с тобою», тот пусть и не идет.

Он привел народ к воде. И сказал Господь Гедеону: кто будет лакать воду языком своим, как лакает пес, того ставь особо, также и тех всех, которые будут наклоняться на колени свои и пить.

И было число лакавших ртом своим с руки триста человек; весь же остальной народ наклонялся на колени свои пить воду.

И сказал Господь Гедеону: тремя стами лакавших Я спасу вас... а весь народ пусть идет, каждый в свое место.

Суд. 7: 2–7

Через две недели у нас отобрали койки. Сомнительное это счастье дополнялось тем, что мы их сложили, перенесли на четыре мили и оставили на складе. Но вроде никто не жаловался; на земле спалось потеплее и уж всяко помягче; да и проще было вскакивать среди ночи по тревоге, чтобы поиграть в солдатиков.

А происходило это раза три в неделю. Но после таких развлечений я снова моментально отрубался. Привычка засыпать в любое время и в любом месте – сидя, стоя или шагая в походной колонне – выработалась очень быстро. Я ухитрялся дрыхнуть даже на вечернем построении, вытянувшись в струнку под музыку, которая не могла меня разбудить. С этой задачей справлялась только команда «Вперед марш!».

В лагере имени Карри я совершил крайне важное открытие. Счастье – это когда можно выспаться. И ничего более. Возьмите любого богача – он глотает снотворное, а почему? Потому что несчастен. Мобильному пехотинцу пилюли без надобности. Дайте каппеху спальное место и время на отдых, и он будет блаженствовать, как червяк в яблоке.

Номинально солдату отведено на сон ни много ни мало восемь часов в сутки, да еще полтора часа личного времени после ужина. Фактически же ночь пожирается тревогами, нарядами и марш-бросками, и сколько ты проспишь, зависит от воли божией да от капризов начальства. И вечер, если он не будет испорчен дополнительной строевой подготовкой или внеочередным нарядом за малейшее прегрешение, ты, скорее всего, потратишь на чистку обуви до зеркального блеска, на стирку, на стрижку по бартеру – среди нас попадались неплохие парикмахеры, но предпочтение отдавалось прическе «бильярдный шар», и с этим справлялся любой. Я уже не говорю о тысяче прочих мелких хлопот с обмундированием и личной гигиеной и о прихотях сержантов. К примеру, нас приучили на утренней поверке отвечать «Мылся!» – это означало, что солдат минимум раз принимал душ после подъема. Ложь обычно сходила с рук (со мной так было пару раз), но по меньшей мере одного малого из нашей роты, который соврал при явных внешних свидетельствах обратного, постигло наказание: товарищи драили виновника жесткими щетками со средством для мытья полов, а капрал-инструктор надзирал за экзекуцией и давал ценные советы.

Но если после ужина у тебя не оказалось неотложных дел, то можно написать письмо, побаклушничать, посплетничать, пообсуждать неисчислимые умственные и нравственные недостатки сержантов или, что милей всего солдатскому сердцу, потрындеть о самках человека. Мы уже почти верили, что в природе таковых не существует, это всего лишь мифология, созданная буйным воображением одного парня из нашей роты, – якобы он видел девицу в штабе полка. Надо ли упоминать, что он моментально приобрел репутацию враля и пустомели?

А еще разрешалось играть в карты. На горьком опыте я научился никогда не разыгрывать дырявый стрит – и с тех пор ни разу не нарушил этот зарок. Может, потому, что после учебки вообще не брал в руки карт.

Если каким-то чудом оставалось минут двадцать личного времени, курсант имел право их проспать. И стоило крепко подумать, прежде чем отказываться от такого шанса, – в лагере имени Карри мы недополучили несколько недель сна.

С моих слов может создаться впечатление, что в том лагере с нами обращались неоправданно сурово. Это неверно. Да, порядки были самые жесткие, но перед начальством стояла вполне конкретная цель.

Хотя в ту пору каждый из нас был твердо убежден, что попал в лапы к отъявленным подлецам, расчетливым садистам, глумливым бесам и безмозглым идиотам, чей единственный смысл существования – истязать бесправных новобранцев.

Все не так. Наша жизнь была подчинена распорядку слишком четкому, умному, эффективному и безликому, чтобы в нем оставалось место жестокости или нездоровому удовольствию от насилия. Подобным образом планируется хирургическая операция, чьи задачи не имеют ничего общего с эмоциями медперсонала. Конечно, нельзя исключать, что некоторые капралы и сержанты могли упиваться властью над нами, однако я не видел примеров тому, и вдобавок теперь мне известно: при наборе инструкторов офицеры-психологи старались отсеивать хулиганов. Предпочтение отдавалось талантливым и умелым работягам, способным не только держать курсантов в ежовых рукавицах, но и добиваться от них результата. Хулиган глуп и эмоционально неустойчив, он чересчур глубоко вовлекается в процесс; он склонен уставать от собственной ретивости и охладевать к службе. Все это делает его неэффективным.

Да, некоторым из них нравилось над нами измываться. Но я слышал, что некоторым хирургам (и не обязательно плохим) нравится резать людей во время операции.

Так что речь идет именно о хирургии. Первоочередная задача «врачей» – вырезать гниль, избавиться, причем как можно раньше, от слишком слабых рекрутов, от неисправимых маменькиных сынков, из которых нипочем не сделать мобильных пехотинцев. И по большому счету, это получается. Даже меня едва не отсеяли, представляете? За месяц от моей роты остался взвод. Некоторых, с их согласия и без «волчьего билета», переводили во вспомогательные подразделения. Других увольняли по дисциплинарным причинам, или за служебное несоответствие, или по состоянию здоровья.

И ты не узнаешь, за что изгнан твой товарищ, если только он не встретился тебе в последний момент и не пожелал рассказать о своем приговоре. Находились и те, кому служба вставала поперек горла, о чем они заявляли прямо и расставались с армией, а заодно и с надеждой на суверенное избирательное право. К нам попадали люди разных возрастов, и тем, кто постарше, нелегко было выдержать физическую нагрузку, как бы они ни старались на тренировках. Помню славного дядьку по фамилии Каррутерс, лет тридцати пяти; помню его слабые крики с носилок, что так нечестно и что он обязательно вернется.

Каррутерс нам нравился, и он держался изо всех сил. Жаль было его терять, поэтому мы себе внушили, что он был комиссован вчистую, переоделся в гражданское платье и отправился восвояси. Но гораздо позже я встретился с ним. Заключение медкомиссии не имело обязательной силы, нельзя было принудительно на его основании уволить военнослужащего. Воспользовавшись этим, наш приятель дослуживал на десантном судне в должности младшего кока.

Каррутерс вспомнил меня и изъявил желание поговорить о былых деньках; оказалось, он гордится своим недолгим пребыванием в пехотной учебке, как мой папа – гарвардским акцентом. Питомец лагеря имени Карри чувствовал некоторое свое превосходство над товарищами по экипажу, простыми матросами. Что ж, возможно, он имел на то право.

Тяжелая учеба нужна не только для сбережения государственных средств путем отсева людей, из которых мобильного пехотинца не вылепить. Гораздо важнее добиться, чтобы ни один каппех, забравшийся в десантную капсулу, не оплошал в деле. Он должен все знать и уметь; он должен быть смел, решителен и дисциплинирован. Отправив в бой неподготовленного солдата, армия поступит нечестно по отношению к Федерации и его товарищам. И, что хуже всего, она поступит нечестно по отношению к нему самому.

Что же касается суровых порядков, могу лишь одно сказать: очень бы хотелось, чтобы при следующей высадке моими соседями справа и слева были выпускники лагеря имени Карри или его сибирского аналога. Иначе я откажусь ложиться в капсулу.

Но поначалу было такое чувство, будто я угодил в свирепый кошмар. Складывалось это впечатление из мелочей. По прибытии в учебку нас одели в робы, а в конце первой недели выдали бурачного цвета полевку для вечерних построений и прохождений (повседневную и парадную форму мы получили гораздо позже). Я отнес обновку на склад и пожаловался тому, кто там сидел. Поскольку это был всего лишь сержант по снабжению и держался он с нашим братом по-отечески, я считал его наполовину штатским. Умей я тогда распознавать орденские планки, конечно, не позволил бы себе фамильярного тона.

– Сержант, мне этот мундир слишком велик. Командир роты сказал, сидит на мне как палатка на шесте.

– Да ну? – хмыкнул сержант, не прикасаясь к мундиру.

– Ага. Замените на мой размер.

Он и пальцем не шевельнул:

– Позволь тебя просветить, сынок. В нашей армии только два размера: слишком большой и слишком маленький.

– Но ротный сказал...

– А я и не спорю.

– И как мне теперь быть?

– Ах, так тебе нужен совет? Этого добра у меня сколько угодно, сегодня как раз свежие поступили. Вот, держи иголку, и я тебе даже катушку ниток найду. Ножницы не понадобятся, тут сподручнее бритвой. Убери сколько хочешь на бедрах, а на плечах оставь посвободней – еще пригодится.

Посмотревший на плоды моего портняжничества, сержант Зим был краток:

– Можно было ушить и получше. Два часа работы после отбоя.

Так что к следующему смотру я ушил получше.

Полтора месяца нас закаляли и изнуряли строевой подготовкой и марш-бросками. По мере того как из наших рядов выбывали слабаки, отправляясь домой или еще куда, мы научились за десять часов преодолевать пятьдесят миль, а это, между прочим, неплохой результат даже для резвой и выносливой лошади, а уж для тех, кто не привык на гражданке натруживать ноги, вообще подвиг. Мы отдыхали не останавливаясь, а лишь меняя темп: медленный шаг, быстрый шаг, бег трусцой. Иногда мы ужинали в поле сухпайками и спали в мешках, а на другой день те же пятьдесят миль проделывали в обратном направлении.

Однажды мы тронулись в путь без спальников и пайков. Я не особо расстроился, узнав, что обеда не будет, поскольку уже обзавелся привычкой тайком выносить из столовой сахар, черствый хлеб и тому подобные харчишки. Однако близился вечер, а мы продолжали идти

прочь от лагеря, и у меня закрались первые сомнения. К начальству я обращаться не рискнул – нас давно отучили задавать глупые вопросы.

Три наши роты, успевшие заметно усохнуть, закончили путь перед самым наступлением темноты. Мы прошли батальонным парадом без музыки, выставили часовых и получили разрешение отдыхать. Я сразу же разыскал капрала-инструктора Бронски, потому, что с ним было чуть попроще иметь дело... и потому, что сам я в то время носил шевроны рекрут-капрала. Эти курсантские шевроны не давали никаких привилегий, кроме одной: быть сожранным заживо за малейший залет, причем не только твой, но и любого бойца из твоего отделения. А отбирались они так же легко, как и выдавались. Сначала Зим пропустил через младшие командные должности тех, кто постарше, и пару дней назад я унаследовал повязку с шевронами у нашего комода, который внезапно схватился за живот и засеменил в санчасть.

– Капрал, – обратился я, – разрешите узнать насчет приема пищи.

Бронски поглядел на меня, ухмыляясь:

– У меня пара галет завалялась, могу поделиться.

– Э-э-э... нет, спасибо, сэр. – Я и сам запасаюсь галетами, причем не парой; я уже был ученый. – Так что, не будет сигнала к ужину?

– Не знаю, сынок, мне ведь тоже не докладывали. И вертолетов что-то не видно. Надо как-то выкручиваться. Я бы на твоём месте искал во взводе снайпера – авось получится пришибить камнем зайчишку.

– Ясно, сэр. Но... мы что, заночуем тут? Без спальников?

У него полезли на лоб брови.

– Это что же, мы и спальников не захватили? Ой, а ведь правда! – Он изобразил напряжённую работу мозга. – Мм... Ты когда-нибудь видел, как в метель овцы жмутся друг к другу?

– Э-э-э... Нет, сэр.

– Все равно попробуйте. Овцы не замерзают, – может, и вы продержитесь. А кому не по нраву тесная компания, пусть гуляет всю ночь, его никто не потревожит – лишь бы не уходил за линию постов. Если двигаться все время, не задубеешь. Разве что притомись малость к утру. – Он снова осклабился.

Я отдал честь и пошел к своему отделению. Мы собрали все съестное и разделили поровну, и мне досталось меньше, чем было в запасе раньше. Кое-кому не хватило ума взять чего-нибудь в дорогу или не слопать по пути. Но несколько галет и горсть чернослива всяко лучше, чем ничего. Заметно успокаивает желудок.

Помог и овечий трюк. Вся наша секция, три отделения, сбилась в кучу. Я не дал бы хороших рекомендаций такой ночевке. Когда лежишь с краю – мерзнет бок, залез в толпу – тепло, но всяк норовит пихнуть локтем, закинуть ногу или обдать запахом изо рта. Так и мигрируешь до утра, точно броуновская частица, и никаких шансов выпастись. Ночь растягивается на сотню часов – сущая пытка.

А на рассвете привычные вопли: «Подъем! Галопом!» – и инструкторские палки метко прикладываются к округлостям, выступающим из «отары». Потом физо, разминка. Окоченевший, точно труп, курсант не верит, что он способен дотянуться пальцами рук до мысков ног. Но все же получается, хоть это и мука мученическая, и через двадцать минут он уже шагает в походной колонне, ощущая себя разве что малость постаревшим.

А сержанту Зиму все нипочем. Этот гад даже морду побрить ухитрился.

Солнышко согрело нам спину, и Зим скомандовал: «Запе-вай!» Вначале пели старое: «Полк Самбры-и-Мааса», «Пушки катятся вперед», «Чертоги Монтесумы»¹⁵, потом нашу

¹⁵ «Полк Самбры-и-Мааса» – французская патриотическая песня, написанная в 1867 г., после поражения французов во Франко-прусской войне, композитором Робером Планкетом на стихи Поля Сезано. Один из самых популярных военных маршей, под него войска проходят по Елисейским Полям 14 июля; «Пушки катятся вперед» – неофициальное название (по первой строчке припева) «Марша полевой артиллерии США», написанного в 1917 г. Джоном Филипом Сузой. Этот марш лег в

«Каппехову польку» – эта мелодия заставляет ускорять шаг вплоть до бега. Зим не обладал музыкальными талантами, разве что орать был горазд. Зато Брекинридж оказался классным запевалой, с красивым и сильным голосом; так что фальшивые рулады сержанта нашему хору не сильно вредили.

Строевые песни бодрили нас и придавали резвости. Но на пятьдесят миль, конечно же, их живительной силы не хватало. Как-никак мы выдержали долгую ночь, а перед ней был бесконечный день.

А потом был строевой смотр, и несколько салаг, не успевшие побриться за целых девять минут между завершением похода и построением, получили от Зима взыскание. Самые слабонервные написали в тот вечер рапорта. Я и сам подумывал насчет отставки, и удержали меня только дурацкие шевроны рекрут-капрала, которые с меня еще не сорвали.

А ночью нас подняли по тревоге и объявили двухчасовую готовность.

Со временем я научился ценить этот добрый домашний уют – когда под открытым небом тебя согревают два-три тела; потому что через четыре месяца меня высадили голым в канадских Скалистых горах, на совершенно дикой территории, и пришлось преодолеть сорок миль. Я тогда возненавидел армию всеми потрохами.

Впрочем, вернулся я не сказать что в плохой форме. Пара не самых бдительных кроликов и от голода меня спасла, и от холода – я намазался жиром пополам с грязью, а из шкурок соорудил что-то вроде мокасин. Оказывается, с помощью острого камня можно творить настоящие чудеса. Наверное, зря мы считаем наших пещерных предков тупыми и недалекими.

Другие тоже прошли эту тренировку – кроме тех, кто уволился с перепугу, узнав, что нам предстоит, и двоих погибших.

Мы вернулись в горы и потратили на поиски тринадцать дней. Над нами кружили вертолеты, летчики указывали путь. В нашем распоряжении была лучшая аппаратура связи, а инструкторы в бронескафандрах «командир» контролировали нас и проверяли поступающие сведения. Потому что мобильная пехота не бросает своих, пока есть хоть малейшая надежда их вытащить.

Ребята были похоронены со всеми почестями, под аккорды «Это наша страна», и посмертно получили звание рядового первого класса. Первыми из нашего набора они поднялись так высоко. Смерть – часть ремесла солдата, и он вовсе не обязан остаться живым. Для начальства важно, чтобы от его гибели была польза: выше голову, галопом, не отступать и не сдаваться.

Один из этих двоих – Брекинридж. А другой – австралиец, с которым я даже не был знаком. На таких учениях и до них погибали рекруты, и после них.

5

Кабы не был он виновен, не попал бы он сюда!
Правый борт, пли!
Расстрелять – не много ль чести? За борт выкинем
скота!
Левый борт, пли!

основу песни армии США «Армия катит вперед»; *«Чертоги Монтекумы»* (по первым строчкам «От чертогов Монтекумы до берегов Триполи») – официальный гимн Корпуса морской пехоты США. Автор слов неизвестен, но предполагается, что они появились еще в XIX в., музыка из оперетты Оффенбаха «Женевьева Брабантская».

*Старинная морская записка,
звучавшая при салютовании пушечными выстрелами*

Но это случилось уже после нашего расставания с лагерем имени Карри. А пока мы служили там, как только нас не муштровали! Тактика, маневры, рукопашный бой, применение вооружений вплоть до имитированных ядерных боеприпасов. Сколько же, оказывается, придумано способов смертоубийства, причем самых разных! Первым делом нас учили драться руками и ногами. Кто не верит, что это оружие, тому я бы предложил поспарринговать в савате¹⁶ с сержантом Зимом или капитаном Френкелем, нашим комбатом, или в джиу-джитсу с малышом Судзуми – он вас одними руками отправит в полет и проводит зубастой ухмылкой.

Зим сразу назначил Судзуми инструктором по рукопашке и велел, чтобы мы выполняли его приказы; правда, от нас не требовалось говорить ему «сэр» и отдавать честь.

Когда наши ряды поредели, Зим сократил строевую, она свелась к смотрам и парадным прохождениям. Зато он сделал упор на боевую подготовку, и в этом ему помогали капралы-инструкторы. Зим был универсальной машиной-убийцей, но особенную страсть он питал к ножам, причем штатным, очень даже неплохим, предпочитал самолично изобретенные и изготовленные. Роль тренера благотворно сказалась на его характере, сделав его из отвратительного всего лишь несносным, и на свои дурацкие вопросы мы получали вполне терпеливые ответы.

В одном из двухминутных перерывов, скупой разбросанных по учебному дню, наш парень по имени Тед Хендрик обратился к Зиме:

– Сержант, ножики метать – дело, конечно, нескучное... но зачем этому учиться? Какой практический смысл?

– А ты представь, – посоветовал Зим, – что у тебя из оружия только нож. Или даже его нет. Какие твои действия? Помолиться да умереть? Или кинуться в бой, авось получится продать врагу ферму? Сынок, это не игра, это реальность, шашки можно смешать и сказать «сдаюсь», но война – это не шашки.

– А я о чем, сэр? Предположим, вы с голыми руками. Ну, или с ножиком – без разницы, если противник увешан самым опасным оружием. Вы же ничего ему не сделаете. Победа будет за ним.

– Ты совершенно не прав, сынок, – ответил Зим чуть ли не ласково. – Не бывает «опасного оружия».

– Чего-чего... сэр?

– Не бывает опасного оружия, бывают опасные люди. Мы, инструкторы, пытаемся тебя сделать опасным – для врага. Пусть нет ножа, но пока остается хоть одна рука или нога, пока ты дышишь – ты опасен. Чтобы лучше меня понять, советую прочесть «Горация на мосту» или «Гибель „Славного Ричарда“»¹⁷ – в лагерной библиотеке найдется и то и другое.

Но давай рассмотрим случай, о котором ты говоришь: я – это ты, и у тебя есть только нож. Мишень позади меня – вражеский часовой, и у него любое оружие, кроме водородной бомбы. Надо снять его тихо и быстро, чтобы не позвал на помощь.

Зим слегка повернулся, и – бац! – в центре мишени номер три вибрирует рукоятка ножа. И когда только успел выхватить!

– Видишь? Лучше носить два ножа. Но хоть с ними, хоть без них ты должен снять часового.

¹⁶ Сават – «французский бокс», нечто наподобие кикбоксинга, но удары наносятся ногами, обутыми в башмаки.

¹⁷ «Гораций на мосту» – стихотворение Томаса Маколея из сборника «Песни Древнего Рима» о древнеримском герое Публии Горации Коклесе, который с двумя товарищами защищал мост от целой этрусской армии; «Славный Ричард» – неофициальное название корабля американского военного флота «Бон ом Ришар», затонувшего в 1779 г. у мыса Фламборо-Хед, после того как его экипажем во главе с коммодором Джоном Полом Джонсом в неравном бою был взят на абордаж английский линкор «Серапис».

– Э-э-э...

– Тебя что-то еще беспокоит? Спрашивай. Это моя работа – отвечать на твои вопросы.

– Да, сэр. Вот вы говорите, нет у часового водородной бомбы. Но в том-то и дело, что есть. Будь это наш часовой, у него была бы... И у того часового, который не наш, она, скорее всего, имеется. Я не про самого часового, а про тех, на чьей он стороне.

– Понял тебя.

– Ну... Так вы согласны, сэр? Если можно взорвать водородную бомбу, и это, как вы сказали, не шашки, а все по-настоящему, война без дураков, – разве не глупо красться по лесу и ножики бросать? Только зря погибнем... и войну продумем. Есть настоящее оружие, вот его и нужно применять, тогда будет победа... Какой-нибудь профессор нажмет на кнопку и снесет куда больше, чем мы все этими прадедовскими игрушками.

Зим медлил с ответом, что было не в его характере. Наконец он произнес самым что ни на есть мягким тоном:

– Хорошо ли тебе послужится в пехоте, Хендрик? В любой момент можешь подать рапорт. Хендрик пробормотал что-то невнятное.

– Громче! – скомандовал Зим.

– Да что-то не сгораю от желания, сэр. Лучше постараюсь дотянуть до конца.

– Ясно. Задавать такие вопросы тебе, вообще-то, не положено, да и сержанты не обучены на них отвечать... Ты сам должен был все понять, еще до того, как решил идти в армию. В твоей школе преподают историю и нравственную философию?

– Что? А-а-а... Конечно, сэр.

– Стало быть, ответ тебе известен. Но если хочешь узнать мое личное, неофициальное мнение... Представь: твой ребенок ведет себя несносно и надо преподать ему урок. Ты отрубишь паршивцу голову?

– Э-э-э... Нет, сэр.

– Разумеется, этого делать не нужно. Ты его просто отшлепаешь. Так вот, бывают обстоятельства, когда столь же глупо сбрасывать водородную бомбу на вражеский город. Это все равно что учить ребенка топором. Война – не насилие ради насилия и не убийство ради убийства. Война – это насилие контролируемое, ради достижения цели. Цель войны – подкрепить решения нашего правительства силой. Враг не должен умереть лишь по той причине, что он нам не нравится. Нет, он должен сделать то, чего мы от него хотим. И выбор цели, как и способ применения силы, зависит не от нас с тобой. Не солдат решает, когда, где и как – или за что – ему сражаться; за него это делают политики и генералы. Политики определяют для чего и сколько, а генералы берут под козырек и сообщают нам где, когда и как. Мы обеспечиваем насилие, а другие люди, которые себя называют умными и опытными, обеспечивают контроль. Такой вот порядок. И лучшего ответа на твой вопрос у меня нет. Если он тебя не устраивает, разрешаю обратиться к комполка. Если и комполка тебя не убедит, возвращайся домой, на гражданку. Потому что в этом случае солдата из тебя уж точно не выйдет.

Зим вскочил на ноги:

– Парень, да ты сачок! Морочишь мне тут голову, чтобы не работать. Подъем, войска! Галопом на позицию, к мишеням. Хендрик, ты первый. Хочу, чтобы ты бросил нож в южном направлении. В южном, понятно? Не в северном. Мишень точно на юге, и нож должен лететь хотя бы примерно на юг. Знаю, что не попадешь, но вдруг да получится маленько ее напугать. Ухо себе не отхвати и никого позади не порань. Юг, ясно? Сфокусируй куриные мозги на этом понятии. Товсь! Бросок!

Хендрик снова промазал.

Нас учили обращаться с современными орудиями убийства: разборка и сборка, уход, боевое применение. В нашем распоряжении были симуляторы атомного оружия, реактивные пехотные гранатометы, отравляющие, зажигательные, фугасные боеприпасы. И еще куча вся-

кой всячины, которую вряд ли следует здесь описывать. Но и «прадедовские игрушки» мы освоили во множестве. Упражнялись с ножами, палками и проволокой. Кусок проволоки, оказывается, страшен в умелых руках и применим в самых разных ситуациях. Постигали штыковой бой – и с макетами ружей, и с настоящими пехотными винтовками двадцатого века. Из этих винтовок, очень похожих на спортивно-охотничьи, мы стреляли свинцовыми оболочечными пулями на разные дистанции по стационарным, подвижным и выпрыгивающим мишеням на изобилующих сюрпризами полосах препятствий. Так нам прививали навык быстрого овладения любым стрелковым оружием, да и вообще приучали всегда быть начеку, готовыми к любым неожиданностям. Думаю, это была полезная наука. Даже уверен.

На тактических учениях эти винтовки имитировали действие куда более мощного и смертоносного оружия. Симуляторов было много, да и как иначе? «Бризантная» бомба или граната, применяемая против живой силы и техники, при срабатывании выбрасывала только изрядную порцию черного дыма или учебного газа. Кто зачихал или заплакал, тот «убит» или «парализован». Между прочим, индивидуальная защита от газов – та еще мука, но она пустяк в сравнении со вздрючкой, которая полагается за глоток слезоточивого.

Спали мы по-прежнему мало. На ночное время приходилась чуть ли не половина учений, с радаром, инфравизором, рацией и тому подобными снастями.

Винтовки, имитирующие оружие со сложными прицелами, заряжались холостыми патронами, но на каждые пятьсот приходился, в случайном порядке, один боевой.

Опасно? И да, и нет. Жить – само по себе опасное занятие. Пуля не разрывная, убивает только при попадании в голову или сердце, да и то не всегда. Один опасный выстрел из полутысячи предназначался для создания «обстановки, приближенной к боевой». Мы были кровно заинтересованы в поисках укрытия, тем более что наши инструкторы славились меткостью стрельбы и добросовестно старались не промазать. Правда, они уверяли, что не целят в голову... но нельзя же забывать о вероятности несчастных случаев.

Дружеские уверения инструкторов не очень-то успокаивали нас. Шанс, хоть и мизерный, схлопотать пулю живо превратил скучные учения в волнующую русскую рулетку. Скука исчезнет, как только первая пуля свистнет возле уха – еще до того, как ты услышишь хлопок выстрела.

Все же мы не укладывались в нормативы, и тогда сверху прилетел слушок: если не прекратим считать ворон, соотношение изменится на один к ста. Не поможет и это – тогда будет один к пятидесяти. Не знаю, выполнило ли начальство свою угрозу, проверить было невозможно. Но она безусловно возымела действие, тем более что в другой роте пуля касательно прошла по чьим-то ягодицам, оставив эффектные шрамы, вызвав шквал глупых шуток и напомнив нам о роли защитных укрытий в бою. Мы потешались над парнем, получившим ранение в задницу... Но каждый из нас понимал: пуля может угодить и в голову, и даже в твою собственную.

Инструкторам, которые не вели огонь, не надо было укрываться. Они ходили во весь рост, в белых рубашках, со своими дурацкими тросточками, всем видом демонстрируя уверенность в том, что даже самый зеленый салабон не посмеет нарочно пальнуть в капрала. Пожалуй, они были чересчур оптимистичны. С другой стороны, крайне маловероятно, что этот прицельный выстрел придется на боевой патрон и пуля, выпущенная неопытной рукой, не пролетит мимо.

Не простое это дело – попасть в яблочко из старинной, без функции самонаведения, винтовки. Известно, что в прежних войнах, когда такое оружие играло главную роль, по статистике, на уничтожение одного солдата тратилось несколько тысяч патронов. Сейчас это кажется невероятным, но военные историки подтверждают: так и было. Похоже, чаще велся огонь на подавление, чтобы противник не мог высунуть голову из окопа и пострелять сам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.